

ЧАРЛЗ ТОДД

НАСТОЯЩИМ ЦЕНИТЕЛЯМ
АНГЛИЙСКОГО ДЕТЕКТИВА

ХЛАДНОКРОВНОЕ
ПРЕДАТЕЛЬСТВО

Чарлз Тодд
Хладнокровное предательство
Серия «Инспектор Иен Ратлидж»

Издательский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5828139
Хладнокровное предательство: Центрполиграф; М.; 2013
ISBN 978-5-227-04234-7

Аннотация

В живописной горной долине на севере Англии, в городке Эрскейла, совершено злодейское преступление – убиты фермер Джералд Элкотт, его жена, семилетняя дочь и двое годовалых близнецов. Они застрелены во время сильной метели, которая замела следы убийцы и единственного выжившего члена семьи – десятилетнего мальчика Джоша. Инспектору Скотленд-Ярда Иену Ратлиджу, оказавшемуся волею случая недалеко от Эрскейла, поручено помочь местному инспектору Грили, который не в состоянии справиться с расследованием: его обескураживает обилие подозреваемых и отсутствие улик...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	5
Глава 3	10
Глава 4	16
Глава 5	21
Глава 6	27
Глава 7	31
Глава 8	35
Глава 9	40
Глава 10	48
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Чарльз Тодд

Хладнокровное предательство

Глава 1

Север Англии, декабрь 1919 г.

Он бежал, и порывы ветра швыряли снег ему в лицо. Ноги проваливались в сугробы. Под снегом часто попадались камни, о которые он спотыкался; он падал, но тут же с трудом поднимался, весь облепленный снегом и почти невидимый в темноте. Он понятия не имел, куда бежит. Его гнал вперед безрассудный страх, из-за боли внутри он едва мог дышать. В голове не умолкал голос, кричавший: *«Тебя повесят за это, вот увидишь! Такова моя месть, и ты вспомнишь обо мне, когда на шею тебе накинута петля, на голову наденут черный капюшон, и никто тебя не спасет...»*

Грянул выстрел, такой громкий, что от ужаса он даже не помнил, захлопнул ли за собой дверь или оставил ее нараспашку.

Он по-прежнему чувствовал запах крови – сколько крови! Запах душил его, не давал дышать, как будто он наглотался жженных перьев. Страх, как змея, извивался где-то в животе, вызывая тошноту. А в голове гремели одни и те же жуткие слова.

Его схватят. А потом повесят. И никак не оправдаться! Если он замерзнет в снегу, никто не найдет его до весны. Однажды он видел замерзший трупик ягненка, неподвижный, твердый, наполовину сгнивший, – жалкое зрелище. Его поклевали вороны. Он ненавидел воронов.

Половина соседей знает, что от него с осени одни неприятности. Беспокойный, несчастный, он сильно вырос и не знал, куда девать руки и ноги. Скоро кто-нибудь увидит кухню, всю в крови, и все его возненавидят...

Он заплакал; слезы жгли озябшее лицо, из-за голоса, грохочущего в голове, казалось, будто его обладатель гнался за ним. Он побежал еще быстрее из последних сил. Изо рта вырывался пар, он бешено размахивал руками, помогая себе пробиваться вперед. От усталости сводило ноги.

«Тебя повесят за это, вот увидишь...»

Лучше замерзнуть до смерти, чем болтаться на виселице! Лучше бежать, пока не разорвется сердце, чем провалиться в черный люк, чувствуя, как петля сдавливает горло. Пусть даже его расклюют вороны, снег чище...

«Тебя повесят за это, вот увидишь...»

Такова моя месть... моя месть... моя месть...»

Глава 2

Пол Элкотт стоял на кухне рядом с сержантом Миллером. Лицо у него побледнело, руки дрожали; сам того не замечая, он уже третий раз подряд вытирал губы тыльной стороной ладони.

– Они ведь мертвые, да? Я к ним не прикасался... не смог... Слушайте, давайте выйдем отсюда, меня сейчас вывернет наизнанку!

Миллер, сын мясника, бесстрастно ответил:

– Да, давайте. Доктор едет, но им он уже ничем не поможет. – Разве что констатирует смерть, добавил про себя сержант. Бедняги! Какое зверство! Что же здесь случилось? – Пока он будет их осматривать, мы с вами можем переждать в хлеву.

Элкотт, спотыкаясь, вышел за порог и неверной походкой направился к хлеву, где его вырвало в пустом стойле. Правда, лучше ему не стало. Перед глазами по-прежнему стоял залитый кровью пол, он чувствовал тошнотворный запах. И видел их глаза... полузакрытые... как будто они лицезрели то, что не дано видеть живым.

Может, Джералд заглянул прямо в ад? Он уверял, что на войне было хуже...

Элкотт сел на охапку сена и закрыл лицо руками, стараясь отдышаться и взять себя в руки. Не надо было входить в дом вместе с сержантом. Дурак он был, когда решил, что сможет во второй раз смотреть на побоище.

Спустя какое-то время в хлев зашел сержант Миллер, а с ним – врач с фонарем. Элкотт поднял голову, кивнул доктору Джарвису, потом кашлянул и спросил:

– Они ведь... не страдали? То есть... никто не...

– Нет. По-моему, нет, – тихо ответил врач, подходя к Элкотту и приподнимая фонарь, чтобы лучше видеть его лицо.

Про себя доктор молился, чтобы его слова оказались правдой. До вскрытия ни в чем нельзя быть уверенным. Он не двигал трупы; в груди у каждого зияло пулевое отверстие. Пули задели внутренние органы. Вполне достаточное основание для смерти. Охваченный состраданием, доктор Джарвис крепко сжал плечо Элкотта. Лежащие в доме мертвецы – близкие родственники несчастного. Его брат с женой, их дети. Для него это страшный удар...

Увиденное потрясло и самого доктора Джарвиса. Он не представлял, что ответит жене, когда та поинтересуется, почему полицейские вытащили его из-за стола. Даже годы врачебной практики не способны подготовить к такому. Душераздирающее зрелище, которое ожидаешь увидеть на поле сражения, а не на маленькой, мирной ферме. Он негромко предложил:

– Пол, давайте я отвезу вас домой и дам лекарство, которое поможет уснуть.

– Я не хочу спать. Мне приснятся страшные сны! – Вдруг Элкотт разрыдался; лицо у него перекосилось, грудь ходила ходуном. Он утратил всякое самообладание.

Врач тряхнул плачущего за плечо и обернулся к сержанту Миллеру:

– Хотелось бы знать, куда запропастился инспектор Грили, – по словам его жены, он поехал к Поттерам, посмотреть, не занесло ли их дом снегом, не нужна ли им помощь. Надеюсь, он не наткнулся ни на что подобное!

– Скоро мы все узнаем, – ответил сержант.

Сзади доносились страшные рыдания Элкотта. Доктору и сержанту стало неловко. Они были совершенно бессильны помочь его горю.

– Я должен отвезти его домой, – сказал Джарвис. – В таком состоянии от него сейчас все равно никакого толку. А вы подождите Грили. Когда я понадобится, пошлите за мной к Элкотту.

Миллер кивнул:

– Да, так, наверное, лучше всего.

Он посмотрел на Элкотта и кивком указал на дверь. Джарвис последовал за ним. Они вышли во двор. День клонился к закату. Небо заволокло серыми тучами, такими тяжелыми, что не разберешь, близятся ли сумерки, или скоро снова повалит снег. Метель бушевала целых два дня; всю округу занесло снегом, но небо так и не расчистилось. Большие дороги стали почти непроходимыми, о тропах между фермами и говорить не приходилось. Миллеру понадобился добрый час, чтобы добраться сюда, хотя он ехал по следам, оставленным возком Элкотта.

– Одного недостает. – Миллер понизил голос, чтобы Элкотт его не услышал. – По моему, Элкотт ничего не заметил. Я обошел весь дом. Мальчика нигде нет.

– Джоша? Господи, а я-то и не... Вы считаете, он где-то здесь? – Джарвис вздрогнул и оглянулся через плечо на неосвещенную конюшню. В одной стороне были устроены стойла; посередине лежали плуги, тачки, гвозди и другая утварь, наверху устроили сеновал. Две лошади и черная корова наблюдали за пришельцами, прядая ушами над пустыми кормушками. – Джералд Элкотт всегда был аккуратистом. На обыск не уйдет много времени.

Миллер стал загибать пальцы:

– До начала метели Элкотт успел загнать овец в овчарню восточнее Лисьего Шрама – я их видел. Завел в стойла лошадей и корову. Можно предположить, что в воскресенье в это время он еще был жив. А потом повалил густой снег, и он понял, что мы крепко влипли... Но корова больше суток не доена, стойла не чищены, корм скотине не подсыпали.

– Вы подтверждаете мое мнение. Я считаю, что смерть наступила ночью. – Джарвис нахмурился и, притопывая ногами от холода, добавил: – Наверное, лучше подождать, пока вы найдете Джоша. Ему наверняка нужна помощь...

– Нет, увозите отсюда Элкотта. Раз все остальные погибли, мальчик, скорее всего, тоже убит. Я справлюсь и один.

Доктор кивнул и направился к Элкотту, но Миллер окликнул его:

– Лучше пока никому не говорить о том, что мы увидели... – Он показал на дом. – До тех пор, пока не станет известно больше. Не хватало нам только паники среди населения!

– Да, конечно. – Джарвис передал Миллеру фонарь и, отвернувшись от ветра, нахлобучил на голову шляпу. Потом повысил голос и обратился к Элкотту: – Пол, давайте-ка я отвезу вас домой и дам лекарство. Оно поможет вам продержаться.

– Кому-то надо приглядеть за скотиной, – возразил Элкотт. – И еще я хочу помочь в розыске... Найти того, кто их убил. Я хочу посмотреть в глаза этому ублюдку!

– Ваши чувства делают вам честь, – ответил Миллер. – Но сейчас, будь я на вашем месте, я бы поехал с доктором. О скотине я позабочусь, а завтра пришлю сюда кого-нибудь. Предоставьте дело нам. Как только мы что-нибудь выясним, я непременно вас извещу.

Элкотт вышел на порог.

– Знать бы, *за что*... – сказал он надтреснутым от горя голосом. – Хотелось бы мне знать, за что их... Что такого они сделали, чем заслужили?

– Все обязательно выяснится, – хладнокровно утешил его Миллер. – В свое время.

Элкотт следом за Джарвисом подошел к коляске, в которой доктор обычно навещал своих пациентов на отдаленных фермах. Снег был истоптан и во дворе, и у крыльца. Чуть поодаль виднелись отпечатки колес от коляски доктора и его возка. А вокруг все белым-бело; только порывы ветра взметают снежные вихри да под деревьями птичьи следы – пернатые ищут хоть какой-то корм.

Неожиданно Элкотт остановился и сказал:

– Доктор Джарвис... я должен остаться...

– Пожалуйста, предоставьте все сержанту Миллеру. Попозже он пригонит вам вашу повозку. А сейчас она ему очень пригодится.

– А... да. – Оцепенелый Элкотт залез в коляску и, забившись в угол, засунул озябшие руки в рукава.

Осмотрев место преступления, инспектор Грили убедился лишь в одном: без помощи со стороны ему не обойтись. Пятеро убитых и пропавший без вести мальчик – возможно, он тоже погиб. Уму непостижимо! Несмотря на многолетний опыт, такого ему еще не приходилось видеть.

В горной долине, где множество уединенных ферм разделяют обширные пустоши и горы, полиции и так приходится туго. Во-первых, необходимо объехать все окрестные фермы и убедиться, что их обитатели живы, что жестокая бойня не повторилась – боже сохрани! – в другом уединенном доме. Во-вторых, нужно найти пропавшего мальчика. Для этого придется обыскать все хозяйственные постройки, овчарни, пастушьи хижины и старые развалины. Обойти горные склоны, осмотреть все расщелины, овражки, низины, берега ручьев. Работа громадная, а в его подчинении совсем мало людей. Придется обходиться тем, что есть, призвать на помощь местных жителей. Действовать нужно быстро, ведь время на исходе – даже если предположить, что мальчику каким-то чудом удалось выжить.

Подавленный сложностью задачи, которую предстояло решить, Грили поступил так, как поступали до него многие поколения северян: заставил себя забыть о собственных чувствах и с угрюмым видом приступил к делу.

В маленький полицейский участок, отстоявший на шесть домов от церкви на главной улице Эрскдейла, он вернулся лишь в первом часу ночи. Там написал записку и поручил расторопному сержанту передать ее главному констеблю – начальнику полиции графства.

– Постарайтесь обернуться побыстрее, – сказал Грили гонцу. – Дело срочное.

Возвращаясь в участок, Грили составлял в уме список окрестных ферм, начиная от самых ближних и заканчивая самыми дальними. Чтобы чем-то занять мозги и не вспоминать о той ужасной, залитой кровью кухне, он стал прикидывать, что понадобится поисковым отрядам. Фонари, запас еды, термосы с чаем, веревки. Трудностей он не предвидел; каждый местный житель наверняка знает по опыту, что нужно взять с собой на поиски. Летом им частенько приходилось разыскивать и спасать незадачливых туристов.

Джарвис говорил о двух днях; он считает, что Элкоттов убили два дня назад.

У убийцы было достаточно времени, чтобы разыскать мальчика, прикончить его и скрыться. Или подобраться к новым жертвам...

С чем еще придется столкнуться его добровольным помощникам, когда они начнут обходить окрестные фермы?

Грили завинтил колпачок ручки и положил ее на подставку. Даже если он объявит общую тревогу, им вряд ли удастся помочь беззащитным людям. Но надо продолжать поиски. Искать мальчика, убийцу... других жертв.

Он погасил лампу на столе и встал, собираясь выйти, как вдруг в голову ему пришла еще одна мысль. Что, если убийца живет в Эрскдейле?! Где он провел последние сорок восемь часов? Мирно сидел дома, у камина? Если ему не удалось выследить мальчика, он наверняка постарается попасть в один из поисковых отрядов!

Что, если он, Грили, сам того не ведая, пустит в стаю гончих лисицу, пошлет убийцу на поиски вместе с невинными людьми, отправит его искать самого себя?

Инспектору казалось, будто он не спал целую неделю. Он еле передвигал ноги от усталости, перед глазами вставали кошмарные видения.

Грили потер кулаками глаза – в них как будто песку насыпали. Совсем скоро у полицейского участка соберутся те, кто отправится на поиски. Вдруг в этой угрюмой толпе кто-то отведет глаза в сторону, не в силах выносить его взгляд? Сумеет ли он разглядеть виновного? Выдаст ли себя убийца поворотом головы, беспокойством, волнением?

Грили отлично знал всех своих соседей и не мог поверить, что один из них – безжалостный убийца. Точнее, так он считал до сих пор. Ему понадобится помощь всех, до кого можно добраться; он не может себе позволить предаваться бесплодным сомнениям. И все же на всякий случай надо будет формировать отряды из трех, а не из двух человек. Мало ли что...

Когда он наконец вышел из кабинета, добровольные помощники уже начали прибывать; Грили слышал, как они вполголоса переговариваются на крыльце. Многие отправились к участку, едва узнав новость. Шли пешком, ехали верхом. Их становилось все больше.

Грили распахнул дверь, и в лицо ему ударил порыв ледяного ветра. Он поежился от холода и невольно подумал: бедным жертвам пришлось намного хуже. Хотя он прослужил в полиции много лет, он никогда не видел такого ужаса, как на кухне у Элкоттов. Как он ни ломал голову, он не мог представить, кто способен на такое злодеяние. Пять трупов аккуратно завернули в одеяла и уложили на повозку. Он до сих пор помнил маленькие детские тельца, они казались в его руках такими легкими! Его душила слепая ярость, перед глазами поплыл туман.

Инспектор вдруг почувствовал себя совершенно беспомощным, и ему впервые в жизни захотелось отомстить.

Когда все лица повернулись к нему, ожидая приказаний, Грили прищурился и, ни на кого не глядя, заговорил, думая: неужели можно совершить такое зверское убийство и не быть отмеченным печатью вины, словно уродливым клеймом? Но пока он не был готов выискивать виноватого в толпе добровольных помощников. Придется подождать, пока разум как-то справится с пережитым ужасом. И тогда он посмотрит...

Теперь вперед его гнал только страх – сил не осталось совсем. Ноги проваливались в сугробы, местами глубокий снег доходил до коленей. Сердце гулко колотилось в груди, мысли в голове путались, мучили его, не давая телу отдыха. Время от времени он останавливался, прислушивался, поворачиваясь спиной к ветру, как зверек. Он был уверен в том, что слышит сзади шаги, зовущий его голос. Но ни одна живая душа не шла за ним.

Ему не приходило в голову, что легче просто остановиться, лечь в сугроб и позволить себе заснуть вечным сном. Он так боялся того, что гналось за ним, что не мог думать. Страх ел его заживо, расклеивал по кускам, как воронье, вгрызался в него, не давая покоя. Бегство – его единственное спасение. Оказаться вне пределов досягаемости. Бежать так быстро, как только возможно.

Он понятия не имел, где находится, – в какую сторону повернул, куда направился, как только оказался вдали от ярко освещенного кухонного окна. Он понятия не имел, давно ли бежит. Ноги двигались словно по собственной воле. Скорее отсюда, прочь от ужаса, который преследует его!

Несмотря на завывания ветра, он по-прежнему слышал тот голос. Голос подталкивал его в спину, когда легкие умоляли остановиться и отдышаться, голос наступал ему на пятки, словно хищный зверь, которому не терпится его растерзать.

«Тебя повесят за это, вот увидишь! Такова моя месть, и ты вспомнишь обо мне, когда на шею тебе накинута петля, на голову наденут черный капюшон...»

Голос бередил его раны, как заостренный прут, бил сильнее любого хлыста.

Он его боялся.

Спустя какое-то время он упал, задыхаясь. Воздух выходил из него с присвистом. Уткнувшись подбородком в снег, он немного полежал, прислушиваясь. Сердце ли бьется так сильно, что не дает дышать, – или он слышит скрип шагов, которые спускаются к нему в низинку? Он с трудом встал на четвереньки, выпрямился, обернулся, вглядываясь в окру-

жающий мрак. Небо и земля казались неразличимыми, они сливались в серо-белом вихре, который не предлагал ни надежды, ни убежища.

За ним никто не гнался. Не мог гнаться! И все же он ощущал жар от приближающейся к нему фигуры... Тень то расплывалась, то обретала четкие очертания в диком вихре снежинок, несомых пронизывающим ветром. Как привидение!

Привидение...

Он снова побежал, горько плача. Он хотел одного: чтобы все поскорее закончилось. Он хотел умереть, как остальные.

Но он умрет не так, как остальные. Его повесят, когда найдут, и последним ощущением в его жизни будет прикосновение к шее толстой, шершавой веревки...

Глава 3

Сержант Миллер отобрал около двух дюжин самых крепких жителей городка. Они должны были поехать на ближайшие фермы, рассказать о случившемся и набрать еще добровольцев, которые, в свою очередь, объедут соседей. Поисковые отряды должны охватить всю горную долину; на каждом этапе к человеческой цепочке будут добавляться новые звенья.

Инспектор Грили называл все новые районы поисков, а Миллер направлял туда тех, кто лучше других был знаком с теми или иными местами. Невозмутимый с виду сержант без устали ободрял добровольцев и отвечал на вопросы низким, грубоватым голосом.

Хотя внешне сержант казался спокойным, его душила ярость. Перед глазами все стояла страшная картина – убитые дети... Больше двадцати лет он охранял в Эрскдейле закон и порядок и очень гордился тем, что у них на участке все спокойно. Уверенность в своих силах сочеталась в нем с преданностью родному краю. После убийства Элкоттов в Эрскдейле уже ничто не будет таким, как прежде...

– Не забудьте расспросить всех до единого! – велел Миллер. – Мы ищем не только мальчика! Пусть вам покажут и старых бабушек, и новорожденных младенцев. Важно убедиться, что они живы и не захвачены в заложники. И пусть никакие отговорки вас не останавливают – обыщите каждый уголок каждого здания, никому не верьте на слово. Если поймете, что где-то стряслась беда – кого-то ранили... или убили... сразу же сообщайте нам. Осмотрите все заброшенные развалины, овчарни, лощинки, где может спрятаться испуганный парнишка. Загляните во все колодцы, дымоходы. Осмотрите чуланы, корзины для угля. Прочешите все частым гребнем, прикиньте, где может скрываться убийца. И не делитесь ни с кем ненужными подробностями произошедшего... Вам это не поможет, а кого-то даже напугает. Как только осмотрите свой участок, возвращайтесь и доложите о результатах. И не стройте из себя героев – помните, что убийца наверняка вооружен! Орудия убийства мы пока не нашли. Ну, ступайте!

Когда посыльный из Скотленд-Ярда позвонил в дверь старшего суперинтендента Боулса, тот завязал пояс халата на располневшей талии и провел рукой по волосам, а потом спустился на первый этаж, чтобы выяснить, из-за какого срочного дела его разбудили среди ночи.

Он развернул записку, которую протянул ему ожидающий внизу констебль, быстро пробежал глазами содержимое и тут же перечитал записку еще раз, внимательнее.

– Черт побери! – выругался он себе под нос и покосился на констебля. Его взгляд был исполнен ярости человека, которому нужны очки, но который из упрямства их не носит. – Кажется, ваша фамилия Сандерс? Не знаете, подробности есть?

– Сэр, вот все, что передал мне сержант Гибсон. По его словам, один наш сотрудник совсем недалеко; если вы прикажете, он сможет добраться до места через несколько часов. Инспектор Ратлидж только что раскрыл дело в Престоне и утром собирался возвращаться в Лондон.

– Ратлидж? – нахмурился Боулс.

Его пылкую нелюбовь к Ратлиджу не сгладили ни время, ни частые отлучки последнего. Куда больше ему нравился Майклсон: осмотрительный, никогда не якшается с нежелательными лицами, к начальству относится с почтением. Умом не блещет, зато надежен. Майклсону понадобится вдвое больше времени, чтобы добраться до места преступления, зато на него можно положиться.

С другой стороны, главный констебль, приславший в Скотленд-Ярд просьбу о немедленной помощи, – человек знатный, со связями. Его брат – член парламента, тесть – титулованная особа. Будет нехорошо, если он узнает, что старший суперинтендент Боулс действовал не так проворно, как должен был, учитывая все обстоятельства. Пятеро убитых – черт побери! Такое убийство непременно вызовет шумиху. Нельзя медлить ни минуты!

– Что ж, значит, поедет Ратлидж, – нехотя согласился Боулс. – Передайте Гибсону, пусть позвонит Ратлиджу в отель до того, как он уедет из Престона. Я буду в своем кабинете! – Он в третий раз перечел записку, и у него в голове зашевелились и другие мысли. – Что ж, значит, Ратлидж, – повторил он вслух. Если на севере что-то пойдет не так, козел отпущения очень пригодится. – Я лично поговорю с ним, как только меня введут в курс дела.

Перед самым рассветом Ратлиджа разбудил телефонный звонок. Подняв трубку, он услышал грубоватый голос сержанта Гибсона.

– Старший суперинтендент просил вам передать, сэр... – без всяких вступлений начал сержант. – Оставайтесь на месте и ждите его звонка. Похоже, на севере крупные неприятности. Место называется Эрскейлл. А вы сейчас ближе всех к нему.

– Я знаю те края, – осторожно ответил Ратлидж. Он прекрасно знал своего начальника. Боулс посылал его в самые сложные и опасные места, не считая нужным заранее уведомить обо всех обстоятельствах дела. Если же Ратлиджу, несмотря ни на что, удавалось найти виновного, его ждала весьма скудная похвала. Больше всего Боулс заботился о собственной шкуре и любил, когда подчиненные представляют его в выгодном свете. Их было немало, тщеславных инспекторов, которые получали по носу, когда Боулс присваивал себе их победы. Ратлидж еще в Кенте понял, до чего способен дойти Боулс, лишь бы отвести угрозу от самого себя... – Что же там случилось?

– Убиты пять человек. Застрелены. Один пропал без вести. Все члены одной семьи, сэр.

– Ничего себе! Другие подробности есть?

– Нет, сэр, во всяком случае, мне ни о чем не известно. Убитых нашли вчера вечером. Там сильная метель, выпало много снега. Инспектор Грили разослал повсюду поисковые отряды. Главный констебль считает, что местные не обойдутся без нашей помощи.

– Отлично, я дождусь распоряжений старшего суперинтендента.

Ратлидж уже собирался положить трубку, но услышал, как Гибсон зовет его:

– Сэр!

– Да, сержант?

– Может статься, у старшего суперинтендента голова будет занята другим и он забудет вам передать... Вчера нам звонил старший инспектор Блейкмор из Престона. Он очень доволен вашей тактичностью. Так и сказал: вашей тактичностью.

Редкая похвала из уст Гибсона, не склонного к лишним речам. Правда, сержант Гибсон готов сделать все, что в его власти, лишь бы позлить Старую Кишку, как подчиненные называли между собой старшего суперинтендента. Гибсон умел осторожно нанести удар, не навлекая вместе с тем подозрений на себя. Боулс терпеть не может Ратлиджа и наверняка не передаст ему похвалу. Значит, его, Гибсона, долг – передать инспектору лестный отзыв о его работе.

– Спасибо, сержант, – ответил Ратлидж, усмехнувшись.

Блейкмор очень добр. Правда, он так и не понял до конца, от какого удара его избавил Ратлидж.

К десяти утра Ратлидж уже направлялся на север. Дул пронизывающий ветер, с запада натягивало облака. На всех прямых участках дороги он прибавлял газу, стремясь побыстрее добраться до места, выиграть время. Правда, приходилось притормаживать, когда он

проезжал мимо придорожных городков и деревушек. Издали их огни напоминали небрежно нанизанные бусы. Однажды ему пришлось даже выйти из машины и, подобно новичку-констеблю, регулировать движение: на узкой улочке не могли разъехаться две телеги, ехавшие на рыночную площадь.

В такой мороз ребенок на улице долго не протянет... Последняя мысль подхлестывала его, как шпора.

Хэмиш с заднего сиденья напомнил ему, что по всей округе разосланы отряды добровольцев. Вот лучшее, на что смеет надеяться мальчик.

«Если он жив, его, скорее всего, разыщут соседи».

Да, верно... И все же Ратлиджа будто что-то подталкивало, заставляло торопиться. Он понимал: тому, кто застрелил пять человек, терять уже нечего, он не остановится и перед другими убийствами. Где убийца? Вот вопрос, ответ на который не менее важен, чем на вопрос, что случилось с пропавшим мальчиком.

Через два часа пошел снег. Сначала снежинки были редкими и таяли, едва долетая до земли. Затем снегопад усилился. Ратлидж выругался. Еще одна снежная буря, летящая по пятам за той, что только что завалила весь север, превратит его поездку в настоящее испытание! Дороги заметет, не будет видно обочин. Усложнятся поиски мальчика в Эрскдейле. А может, они уже завершены? Может, уже нашли его труп... Чем раньше он попадет на место, тем скорее узнает последние новости.

Он устал. Кроме того, престонское дело никак не давало ему покоя. Убийцей оказался совсем молодой человек, восемнадцатилетний Артур Марлтон, умственно отсталый. Он слышал голоса, которые вначале призывали его покончить с собой, а затем велели убить человека, который, по его мнению, ему мешал. В замешательстве и растерянности Марлтон внезапно набросился на того, кого считал помехой. Жертвой стал человек, которого состоятельные родственники Марлтона наняли присматривать за парнем. При падении несчастный ударился головой о бордюрный камень и умер, не приходя в сознание. Он так и не успел ничего рассказать. Но все улики указывали на убийство – что подтвердили и свидетели. Трагедия осложнялась еще одной трагедией...

Ратлидж не был убежден в том, что сумасшедший дом – более мягкое наказание, чем виселица. Он лично находил весьма зловещей перспективу быть навсегда отделенным от общества, от света и воздуха.

Но родители молодого человека, плача, благодарили Ратлиджа. На единственного сына они смотрели с невыразимым облегчением. Они осторожно обнимали сына, сдержанно выражая свою любовь. А сын, вряд ли осознающий, что его жизнь целую неделю висела на волоске, терпел их объятия изумленно, потому что по-прежнему слышал голоса, недоступные его близким.

Фары освещали совсем небольшой участок дороги, а дальше царила крошечная тьма. В такое время года темнело рано. Все реже он проезжал мимо деревушек с домами из серого камня. Все чаще по обе стороны тянулись пустоши. Дорога пошла в гору. Равнина сменилась холмистой местностью. Ближе к северу стало холоднее.

Давая показания на суде против Артура Марлтона, Ратлидж никому не сказал, что сам слышит голоса. Точнее, один голос. Нет, он не безумен и вовсе не стремится выполнять приказы собственного расстроенного разума. По крайней мере, он очень надеялся на это. Его положение казалось ему гораздо страшнее. Он слышал голос мертвеца. Капрал Хэмиш Маклауд преследовал его, как фурия. Маклауд не отступался от него последние годы войны и после, как если бы он до сих пор был жив. Голос с легким шотландским акцентом казался таким живым и близким, что Ратлиджу часто казалось: Хэмиш жив и находится с ним рядом. Стоит неожиданно повернуть голову – и увидишь его. Маклауд олицетворял собой все пережитые ужасы. Он появился после контузии. Стал наследием войны.

Целых два дня Ратлидж внимательно слушал показания экспертов. Он отчетливо видел разницу между собой и подсудимым. И в то же время с непоколебимой уверенностью понимал, что он – единственное лицо в зале суда, способное в полной мере понимать, что пытаются описать врачи и адвокаты. Они говорили об одержимости настолько реальной, что временами она даже страшила.

Ратлидж прекрасно понимал, почему подсудимому так хотелось покончить с собой. Он и сам мучился непрестанно. На войне часто словно горел на костре, когда со своими солдатами вступал на ничейную территорию и ждал смерти, как избавления. Оставшись в живых вопреки всем расчетам, он дал себе слово: если когда-нибудь в самом деле увидит Хэмиша, если настанет день и он почувствует, как мертвец дышит ему в затылок или прикоснулся призрачной рукой к плечу, все будет кончено. Любыми средствами.

В его лондонской гостиной, спрятанный за книгами, лежал отцовский револьвер, завернутый во фланелевую тряпку. Если понадобится, добраться до него будет легко.

Наследие войны... Война оставила в душе Ратлиджа ужасные шрамы. Размытые, призрачные лица людей, которых он вел в бой, в огонь, как будто насмехались над ним. Их бесполезная, бессмысленная смерть до сих пор тревожила и тяготила его. Войну Ратлидж считал тоже своего рода безумием. Последней каплей стала для него смерть капрала Маклауда. Хэмиш Маклауд погиб не от вражеского снаряда, как многие другие, а от руки самого Ратлиджа, став олицетворением напрасной гибели, впустую растроченной жизни... Да, капрал не выдержал, сломался под огнем. Тогда и сам Ратлидж готов был сломаться. Маклауд предпочел умереть позорной смертью, но не вести других на очередную бессмысленную бойню, в мясорубку, позже получившую название «битва на Сомме». Выбор Хэмиша Маклауда тяжким бременем лег на его командира, оставшегося в живых. Маклауд был хорошим человеком, просто совсем запутался и пал жертвой на грешном алтаре военной необходимости. Короче говоря, он был убит.

И все же Ратлидж – а вместе с ним в каком-то смысле и Хэмиш – уцелел. Охотник и дичь, преследователь и преследуемый, они вместе пережили самый кровавый из всех известных до тех пор военных конфликтов. Постоянное присутствие молодого солдата-шотландца, невидимого и вместе с тем гораздо более реального, чем при жизни, стало для Ратлиджа еще более ужасным бременем потом, в мирное время.

– Вы родились в рубашке, – внушал ему доктор Флеминг всего две недели назад. – Жаль, что вы пока не сознаете, как крупно вам повезло. Не можете смириться с тем, что остались в живых, и наказываете за это не кого-нибудь, а себя самого. Подумать только – вы выжили по капризу Господа! Вам кажется, что вы недостойны тех, кто погиб, что вам не удалось их защитить, спасти и вернуть домой. Но подумайте, Иен! На такое никто не способен. Как вы не понимаете? Никто не смог бы сохранить жизнь всем!

«А Хэмиш хотя бы пытался, – про себя возражал Ратлидж. – Вот и мне надо было попытаться».

В ясный ветреный декабрьский денек, накануне отъезда в Престон, Ратлидж пришел в лондонскую приемную доктора, чтобы спросить, когда закончится его искупление – и закончится ли оно когда-нибудь. Раскрыв особенно неприятное дело, во время которого Хэмиш на каждом шагу грозил обнаружить себя, Ратлидж спрашивал о возможности отпущения грехов – и надежды – у человека, которого он когда-то ненавидел, но со временем научился уважать.

Всего за восемь месяцев до того он мучился невыносимо, страдал бессонницей, жил в уединении и отчаянии, почти утратив человеческий облик. По настоянию сестры Франс доктор Флеминг забрал его из военного госпиталя, перевел в частную клинику – и заставил говорить. Воспоминания о войне едва не прикончили Ратлиджа. И все же он воссоздал себя из руин, нашел в себе силы вернуться в Скотленд-Ярд. Начался медленный болезненный

процесс восстановления – долгий путь, которому не было видно конца. Прошедшие восемь месяцев стали очень трудными и очень одинокими.

Ратлидж стоял у окна и смотрел на улицу, заполненную автомобилями и пешеходами. Доктор Флеминг негромко сказал:

– Иен, многое в самом деле зависит от вас. Я не могу ответить на ваши вопросы; по моему, на них не ответит никто. Что вам нужно? Время? Наверное, вам придется научиться прощать – и прежде всего самого себя... Я вас вылечить не могу. Но вы, возможно, сумеете вылечить себя сами.

Тогда ему пришлось довольствоваться этим.

Сейчас он гнал машину по темной дороге, и в гулкой тишине компанию ему составлял только Хэмиш.

Ту часть Озерного края, куда ехал Ратлидж, на востоке ограничивали Пеннинские горы, а на западе – море; горы там постепенно снижались и переходили в прибрежные равнины, что позволяло местным жителям обрабатывать землю и разводить овец. В августе там созревали черные сливы, а яблоки были червивыми и кислыми. Поселения располагались в долинах между высокими холмами, а до ближайшего соседа приходилось ехать не один час. Зимой здешние дороги часто делались непроходимыми.

Эрскдейл нельзя назвать достопримечательностью Озерного края. Из горной долины не открываются живописные виды, природа здесь дикая, суровая, хотя не лишена своеобразного очарования. Местные жители борются за существование, вгрызаясь в твердокаменную землю и противостоя силам природы. Здесь их родина. Здесь им жилось спокойно. До недавнего времени...

Почему в таком краю вдруг объявился убийца?

Выезжая из Престона, Ратлидж предусмотрительно запасся, помимо бутербродов, термосом с чаем. Он останавливался редко – только для того, чтобы заправить машину или прогуляться пять минут в снегу, чтобы преодолеть сонливость.

Сколько времени в такой мороз способен продержаться заблудившийся мальчик?

«Не очень-то и долго... – Хэмиш, сидящий на заднем сиденье, уже довольно давно сравнивал здешние места со своими родными горами: та же неплодородная почва и те же узкие долины, извилистые ручьи, которые текут по камням и тихо журчат в тишине. – Меня потянуло домой, – сказал он. – В окопах я иногда видел во сне свою горную долину... Она была прямо как настоящая. И я всем сердцем хотел туда вернуться».

– Я приезжал в Озерный край в детстве, вместе с отцом. Мы с ним ходили в горы... – Ратлидж, неотрывно глядящий вперед, на дорогу, не понял, что ответил вслух.

Два часа назад они проехали Кендал – крохотный городишко, один из многих в этой части страны. Ратлидж узнал мостик у церкви, где они стояли с отцом и, прислонясь к нагретым солнцем каменным перилам, наблюдали, как играют лососи в реке Кент. Как давно это было! В другой жизни.

За Кесвиком дорогу перекрыли полицейские. Ратлиджа остановили и потребовали у него документы. Констебль посветил фонарем на заднее сиденье. Ратлидж невольно вздрогнул, потому что сзади сидел Хэмиш... Но констебль кивнул и отошел с дороги, пропуская его.

Сержант, начальник поста, засунувший руки в карманы теплой шинели, нагнулся в открытое окошко и сказал:

– Извините, сэр. Приказ главного констебля.

– Новости есть?

– Нет, сэр, мы ничего не слышали. Машин сейчас мало, сами видите, какая погода. С тех пор как нас сюда поставили, с той стороны никто не проезжал.

– С той стороны могли проехать до того, как перекрыли дорогу, – возразил Ратлидж. – И все же нельзя ничего исключать. Значит, продолжайте в том же духе.

Глава 4

Вскоре после Кесвика он свернул с Баттермир-роуд и покатил по наезженной проселочной дороге, которая петляла вдоль подножий самых высоких местных гор.

Они высились над головой, невидимые под снежными шапками – мрачные тени, чье присутствие Ратлидж все время остро ощущал. Горы давили на него.

Он вздрогнул, борясь с неожиданно возникшим страхом. Сначала он решил, что все дело в приговоре, вынесенном молодому убийце в Престоне. Потом понял: дело в другом. Обступившие его холмы и горы, когда-то знакомые и красивые, теперь казались настороженными и злобными. Они словно смыкались под ним, вызывая удушье и тошноту.

Впервые после войны он очутился в знакомых местах. Тревога за пропавшего мальчика гнала его вперед, глаза неотрывно следили за дорогой. Не сразу он понял: характерные черты Озерного края – высокие вершины и неприступные горные долины – таят сейчас для него неизъяснимую угрозу. Высокие горы походили на тяжелые тюремные ворота, которые захлопнулись у него за спиной.

На рассвете в тот жуткий день, когда был застрелен Хэмиш, его завалило землей. Сначала послышался взрыв, и земля вдруг вздулась и заходила ходуном. Потом он полетел куда-то вниз, свалился в глубокую воронку от снаряда. Сверху его накрыло землей, трупами и обломками. Он не задохнулся благодаря окровавленной одежде убитого солдата, упавшего сверху. В ней оставался воздушный карман. Оглушенный, ослепший, засыпанный землей, он чувствовал, как дыхание замирает. Во рту появился привкус крови. И вдруг перед ним возникло лицо умирающего Хэмиша Маклауда. Глаза молили нанести смертельный удар, чтобы остановить боль. Хэмиш что-то безостановочно шептал, и его лихорадочный шепот впечатался в память Ратлиджа. Хэмиш повторял имя – Фиона Макдоналд...

Когда его извлекли из-под земли – на место взрыва отправили спасательный отряд, – он был уже другим человеком и с тех пор не мог находиться в замкнутом пространстве. Не выносил запертых дверей, тесных комнат, переполненных вагонов, толпы... И вот теперь он оказался не готов к тому, что и в Озерном краю ощутит стены, давящие на него со всех сторон. Метель, мрак и почти незримые горы отрезали пути к отступлению.

«Да, туда ведет только одна дорога, – безжалостно напомнил Хэмиш. – Ты ведь сам видел карту».

Им овладело желание немедленно развернуться и, пока еще не поздно, уехать отсюда.

Ратлидж выругался вслух. Хэмишу не нужно напоминать, что он на службе. Что он обязан выполнять свой долг. Бог свидетель, во Франции он свой долг выполнил. Но какой ценой для себя и других...

– Я ничего не могу изменить, – произнес он вслух. – Я не могу проложить новые дороги. – Проглотив подступивший к горлу ком, он взмолился: «Завтра, когда взойдет солнце, все будет по-другому. Господи, прошу Тебя, дай мне продержаться до утра...»

А потом плохая дорога потребовала всего внимания и стерла ненужные мысли. Напряженный, встревоженный, он ехал вперед. Дорожный указатель облепило снегом; он изогнулся под странным углом, и стрелка показывала вверх, на небо. Но чутье подсказало: он на правильном пути. Дорога шла то в гору, то под гору. Несколько столетий ее утаптывали ноги, обутые в тяжелые ботинки, овечьи копыта, тележные колеса. Вспомнив об овцах, Ратлидж встревожился еще сильнее. Удалось ли местным жителям загнать овец в овчарни до метели? Может, их успели хотя бы согнать в долины между скалами, где можно укрыться от пронизывающего ветра. В этих краях овцы обычно паслись где придется. Иногда они выходили на дорогу. В такую метель отара овец практически невидима – пока не врежешься в самую гущу. А на скользкой дороге столкновение с овцой сулит неминуемую катастрофу.

Здесь овцы хердвикской породы – крепкие, выносливые, привычные к горам. Они умеют всю зиму обходиться без фуража, самостоятельно добывая себе пропитание. Со времен Эдуарда I север Англии славился именно овцами шерстных пород. Из их руна с давних пор выделывают самые разные ткани.

Лучи фар высвечивали лишь пустынную, занесенную снегом дорогу. Время от времени за поворотом мелькал одноэтажный каменный фермерский дом; иногда дома, похожие на обувные коробки, стояли на склонах невысоких холмов. А здесь деревья как будто преисполнились решимости выжить во что бы то ни стало, несмотря на холод и ветер.

Обычно Ратлидж любил темноту, уединение и тишину. Но сейчас он с трудом преодолевал усталость. Заснуть ему не давал образ мальчика, заблудившегося в метель. Он живо представлял испуганную, одинокую детскую фигурку, которая съезжилась в выступе стены или свернулась калачиком в расщелине.

Наверное, Эрсдейл уже близко...

Дорога снова сузилась, а сильный порыв встречного ветра принес новый снежный вихрь. Подавив усталость и раздражение, Ратлидж гнал машину вперед, хотя и понимал, что метель одерживает над ним верх. Он почти ничего не видел вокруг, лишь заметил справа темный провал. Стоит зазеваться, и он полетит в черную пустоту.

Перед поворотом он притормозил, не сводя взгляда с отрезка дороги, высвеченного лучами фар. На скользком участке машину занесло, и он поспешно выкрутил руль. Тяжелый автомобиль с трудом удалось выровнять. Хэмиш, сидящий позади, осудил его за спешку: «Парнишке не поможет, если ты свалишься в пропасть и убьешься. Сейчас не время валять дурака! Впереди ни одного дома не видно».

И впрямь он уже давно не замечал вокруг признаков жилья. От напряжения плечи у него совсем онемели. Пронизывающий ветер обжигал лицо. Соображал он все хуже, да и реакция значительно ослабла. Тепло, идущее от мотора, походило на остывающее дыхание. Мотор проигрывал схватку с морозом – нога на педали акселератора уже онемела. Клаустрофобия усиливалась – страшно давили невидимые во мраке горы.

Когда холод проник даже под теплое пальто, Ратлидж остановился и выпил горячего чая.

«Берегись!» – зловеще прошептал Хэмиш, когда он потянулся к термосу.

Чуть дальше того места, куда достигал свет фар, Ратлидж с трудом разглядел уходящий с дороги след колес. Судя по всему, ехавшая впереди коляска сорвалась в обрыв. Снег почти завалил колею; Ратлидж не мог сказать, давно ли произошла авария и в какую сторону ехала коляска. И что случилось с тем несчастным, кто сидел в ней? Удалось ли ему вернуть лошадь на дорогу и поехать дальше? Он ни за что не заметил бы следы на снегу, если бы не остановился.

«Мы никого не встретили с тех пор, как выехали из Кесвика», – напомнил Хэмиш.

– А может, он едет впереди... если, конечно, справился с управлением.

Ратлидж отпустил сцепление, медленно проехав еще несколько футов, и наконец увидел впереди, в кювете, неясные очертания, похожие на груды камней. Нет, не камни! Чуть поодаль и ниже тихо лежала лошадь. Коляска свалилась в обрыв и, пропахав снег, врезалась в каменистую насыпь, присыпанную грязным снегом.

«Раз есть колея, значит, повозка недалеко...» – подсказал Хэмиш.

Ратлидж притормозил, не заглушая мотор. Не чувствуя под собой ног, осторожно выбрался из машины. Ступать приходилось осторожно, вначале прошупывая почву. Дорогу покрывала тонкая, скользкая корка, которая легко проламывалась под его тяжестью. Под ледяной коркой чувствовалось более твердое основание. Он с трудом различил внизу спутанный клубок поводьев, сбруи и сломанные оглобли и достал из кармана пальто фонарь, чтобы осветить заваленный снегом склон.

Перевернутую коляску уже занесло снегом. Кузов, издали напоминавший неправильной формы валун, лежал на боку, и лишь острые углы свидетельствовали о том, что перед ним творение человеческих рук.

С огромной осторожностью Ратлидж спустился по склону и, не снимая перчатки, провел рукой по лошадиному крупу. Животное околело совсем недавно, труп был еще теплым, но быстро остывал. Подойдя к перевернутой коляске, он оступился и чуть не упал. В свете фонарика просматривались неясные очертания женской фигуры, свернувшейся калачиком на земле и прижавшейся спиной к стенке коляски.

Женщина сначала не реагировала на свет, и Ратлидж решил, что она тоже умирает. Потом она пошевелилась, и он понял, что она жива, хотя, скорее всего, тяжело ранена. Когда она с трудом повернула голову, чтобы взглянуть на него, он услышал слабый стон, похожий на мяуканье. Стараясь не задеть раненую, он обошел коляску и опустился перед ней на колени.

— Где у вас болит?

Женщина подняла на него бледное лицо, на котором темные глаза казались глубокими провалами. Ее всю трясло; когда она заговорила, зубы застучали от холода.

— Я... — Она замолчала, набираясь сил. — Ребра. П-по-моему... ребра сломаны. И ног совсем не чувствую...

Она сумела завернуться в плед, да и спинка коляски пусть и плохо, но защищала от ветра. И все же бедняжка сильно окоченела. Ратлидж дотронулся до ее руки, прижатой к боку, и даже через перчатку почувствовал холод. Женщина покачала головой, как будто боялась менять положение.

— Надо как-то вытащить вас отсюда. Вы меня понимаете? Если останетесь здесь, вы не доживете до утра!

— Прошу вас... не надо!

Ратлидж огляделся. Снег такой глубокий, а что под ним — неизвестно. Тащить ее на руках не получится.

— Здесь на много миль вокруг ничего нет — ни дома, ни сарая. И помощи ждать неоткуда, — с трудом сказал он. Ветер не давал дышать, высасывал из него силы, волю.

— Нет... я должна... должна... — Женщина безвольно опустила голову, как будто голова отказывалась работать как надо и подсказать ей, что же она должна сделать.

Ратлидж спросил:

— Вы ехали одна? В коляске, кроме вас, никого не было? А потом, когда вы перевернулись, никто не проезжал мимо?

— Да... я была одна.

— Сейчас я подниму вас. Постараюсь действовать как можно осторожнее, чтобы не причинить боли. Придется вам подняться на дорогу. Я вас поддержу. А потом посажу в машину...

Подумав, она кивнула и, скривившись от боли и напряжения, разогнула окоченевшие ноги. Потом положила руки Ратлиджу на плечи — он так и стоял на коленях, поддерживая ее. С огромным трудом им обоим удалось встать. Ратлидж боялся, что у женщины сломаны ребра, и потому не давил ей на плечи, а осторожно взял за руку. Ноги ее не слушались. Пришлось тянуть ее, тащить вверх. Хотя незнакомка сдерживалась, она несколько раз вскрикнула от боли.

Ратлидж оглянулся на свой автомобиль. Фары по-прежнему ярко светили, кругом было пусто и тихо. Как будто они на Луне! Здесь им никто и ничто не поможет.

Хэмиш, не умолкавший ни на миг, спорил с ним, понукал, торопил.

В конце концов ему пришлось обвить талию женщины рукой и толкать ее вперед — как девочку, с которой отец танцует, поставив ее ножки себе на туфли. Она напоминала куклу,

лишенную собственной воли, но вместе с тем тяжелую и неуклюжую. Недолгий путь до машины вымотал их обоих. Женщина прикусила губу до крови, по подбородку ее потекла темная струйка. Она изо всех сил старалась не плакать.

Как только они очутились на дороге, Ратлидж ненадолго отпустил ее, чтобы проверить, может ли она стоять самостоятельно. Она зашаталась, и все же ей удалось не упасть. Ратлидж достал из автомобиля термос, отвинтил крышку и налил ей горячего чая. Крышку пришлось поднести к самым ее губам. Руки у нее так сильно дрожали, что она только расплескала бы драгоценную жидкость.

Первый поток ее словно обжег, она дернулась, хотя чай был совсем не горячим. И все же ей удалось проглотить немного сладкого чая, который согрел ее и оживил. Правда, дрожь не прошла. К сожалению, усилилась и боль.

Ратлидж взял пустую крышку, закрыл термос и поставил его на прежнее место – себе в ноги. Стараясь не коситься в то место, где всегда восседал Хэмиш, он нащупал на заднем сиденье плед. Вернувшись к пострадавшей, спросил:

– Вы доберетесь до машины?

Но женщина оглядывалась назад, в темноту.

– Там мой конь... надо что-то сделать... я вижу его.

– К сожалению, конь околел.

– Ах... жалко... – Она послушно поплелась за ним и с его помощью поднялась на высокую подножку. Ратлидж видел, что плед, в который она закуталась, промок насквозь, но не стал ее раскрывать, лишь набросил сверху второй плед.

Хэмиш сказал: «Она потеряла больше тепла, чем способна воспроизвести».

Так оно и было. Ратлидж дал ей еще чаю, а потом с трудом взгромоздил ее на пассажирское сиденье. Она полулежала, прижавшись к его груди, и дрожала. По ее лицу катились слезы – наверное, от боли.

– Надо скорее доставить вас в тепло. Не знаю, сколько нам придется проехать. Потерпите, скоро согреетесь.

Прошло еще минут десять, прежде чем ее перестало трясти; потом она как будто заснула, прижавшись к нему. Он безжалостно разбудил ее. Если она заснет, то непременно замерзнет до смерти. Дал ей еще чаю, а потом тронулся с места.

– Больше ждать нельзя. Говорите со мной, – приказал он. – Не важно о чем. Если хотите, несите чушь. Читайте стихи. Пойте песни. Главное – говорите. Сосредоточьтесь на этом, а не на боли.

– Я и не знала, что дышать может быть так больно, – сказала она наконец. – Я могу только...

– Да, вполне вас понимаю. Все нормально. Говорите, не молчите! – повторил он, не сводя взгляда с дороги.

– Я не чувствую ног...

– Ноги отойдут, как только мы доберемся до тепла. Вы здешняя? Здесь поблизости есть ферма?

– Я... не помню...

Он оторвал одну руку от руля и нащупал под пледом ее замерзшие пальцы в промокших насквозь кожаных перчатках.

– Снимите перчатки и, если сумеете, засуньте ладони под мышки.

Она послушалась и ссутулила плечи.

– Так лучше. Если бы н-не ноги... – Она свернулась на сиденье калачиком лицом к нему, чтобы ребра не так болели. В темноте и на фоне темного пледа ее лицо казалось размытым пятном.

– Вы приехали сюда издалека? В такую мерзкую погоду не стоило выбираться из дому!

– Я... приехала из... Карлайла.

Впереди на дороге намело целый сугроб. Ратлиджу пришлось выйти из машины. От дороги отходила тропа, которая вела вверх по склону к дому. Ратлидж с трудом добрался до крыльца – ботинки сразу заиндевели. Он замолотил в дверь кулаками, но никто ему не открыл. Ни в одном окне не было света. Отступив на несколько шагов, Ратлидж задрал голову. Из трубы не шел дым.

«Пусто, как в кошельке у пропойцы», – проворчал Хэмиш, когда Ратлидж стал выбираться назад, на дорогу.

– Никого нет дома, – сообщил он своей пассажирке, садясь за руль. – Ничего, скоро найдем другое жилье. – Он надеялся, что прав.

Глава 5

Дорога шла то в гору, то под гору. Наконец слева показался дорожный знак, а шагах в ста за ним замаячили смутные очертания дома. Запахло дымом, и Ратлидж весело воскликнул, показывая рукой вперед:

– Уже совсем близко! Скоро будете греться у камина!

На радостях он едва не проехал нужный поворот. К дому вела подъездная дорожка – скорее ухабистая тропка. Извиваясь, она вела к парадному входу, а оттуда – на задний двор.

Ратлидж ехал очень медленно. Не хватало еще застрять в глубоком снегу! Но машина справлялась отлично – мощный мотор оправдал ожидания. Да и подъем оказался не таким уж крутым.

Когда Ратлидж въехал во двор, то услышал бешеный лай, а вскоре увидел и пса. Пес не сидел на цепи, а носился вокруг автомобиля, заливаясь лаем и злобно скалясь. После того как автомобиль остановился, пес поставил передние лапы на подножку и глухо зарычал.

«Только попробуй спустить ногу – он мигом ее прокусит», – предупредил Хэмиш.

Ратлидж нажал на клаксон – раз, другой. В окне второго этажа зажегся свет. Поднялась рама, и высунулась седая голова.

– Кто вы? Какого черта вам здесь надо? Весь дом перебудили...

– Отзовите пса и спуститесь. Я полицейский, у меня в машине женщина. Она пострадала в аварии. Ей нужна помощь, и быстро!

– Я лично вас не знаю, пусть вы и полицейский!

– Инспектор Ратлидж из Лондона. Приехал по просьбе главного констебля, чтобы помочь инспектору Грили в Эрскейле.

– А я могу назваться королем Сиама, если захочу. В такую ночь я не открою свою дверь человеку, который не имеет на то особых полномочий.

Пес протяжно завыл, видимо соглашаясь с мнением хозяина.

– Как хотите. Тогда завтра в полдень вы обязаны явиться к инспектору Грили в участок – как говорится, с вещами! – рявкнул он тем же тоном, что отдавал команды на фронте. – Вас обвинят в неоказании помощи сотруднику полиции при исполнении им служебных обязанностей! – Машина тронулась с места.

– Да погодите вы!

Ругаясь вполголоса, хозяин дома закрыл окно и через несколько минут показался в проеме двери. Он не спеша оглядывал машину, с упрямой рассудительностью настоящего северянина взвешивая все за и против. Ратлидж нетерпеливо ждал, но ничего не говорил. Он почти не сомневался в том, что где-нибудь за дверью стоит дробовик – хозяину ничего не стоит дотянуться до оружия.

– Бидер, ко мне! – крикнул наконец фермер псу.

Пес послушно побежал на зов, награвив Ратлиджа последним вызывающим взглядом.

Натянув резиновые сапоги, фермер вышел во двор с фонарем. Подняв его повыше, он перевел взгляд с Ратлиджа на его бледную пассажирку.

– Говорите, она пострадала в аварии? – с подозрением осведомился он. – Что скажете, мисс?

– Моя... коляска перевернулась, – с трудом выговорила женщина, стуча зубами. Она высунула голову из пледов. При свете фонаря запекшаяся кровь на прокушенной губе темнела зловещим пятном. – П-прошу вас... мне кажется, я сейчас умру от холода. П-позвольте погреться у огня минут десять, и мы п-поедем дальше.

– Ага! – Фермер опустил фонарь и спросил у Ратлиджа: – Она ходить-то может?

– У нее ребра ушиблены, а может, и сломаны. И ноги совсем окоченели.

Ратлидж спрыгнул на землю и обошел машину кругом. Открыв пассажирскую дверцу, ласково предупредил:

– Мы поможем вам выбраться, но вам будет больно. Вы потерпите?

На перекошенном лице промелькнула тень улыбки.

– Если там есть огонь...

Фермер, мужчина дюжий, проворчал:

– Вылезайте, девушка. Я бы сам вас мигом вытащил, если бы не ваши ребра. Ну а вдвоем мы сейчас доставим вас на кухню. Жена уже поставила чайник! – Выговор у него был местный, голос грубоватый, но Ратлидж не сомневался в том, что намерения у хозяина дома самые добрые.

Вдвоем они осторожно извлекли пострадавшую из машины и на скрещенных руках отнесли в дом. Пес шел следом, нюхая их следы. На кухне их встретила породная, краснолицая женщина с обветренными щеками. Руки она плотно скрестила на груди.

– Боже правый! Бедняжка! Несите ее сюда, к очагу! – тут же начала распоряжаться хозяйка. – Что с ней случилось? – В глазах фермерши мелькнула тень тревоги, как будто она ожидала ответа, что на девушку набросился убийца.

Ратлидж еще раз наскоро рассказал, что произошло. Тем временем его пассажирку усадили в кресло, со всех сторон обложив одеялами, как подушками. Она попыталась откинуться назад и охнула от боли.

Фермерша, потуже затянув пояс халата вокруг плотной талии, велела:

– Джим, отведи инспектора в гостиную. А я пока осмотрю молодую леди.

Следом за хозяином Ратлидж прошел в маленькую гостиную. Камин здесь уже погас, и все же в гостиной было тепло и уютно, особенно по сравнению с холодом на улице. Хозяин зажег стоящую на столе лампу, поправил абажур и жестом указал Ратлиджу на самое лучшее кресло. Затем он снова растопил камин, пошуровал кочергой, чтобы лучше горело, и повернулся к незваному гостю:

– Говорите, вы из полиции? Тогда покажите документы.

Ратлидж достал свою карточку из кармана пальто. Фермер внимательно изучил ее.

– Значит, вы из самого Скотленд-Ярда? А быстро вы к нам добрались, прямо удивительно!

– Когда поступил вызов, я был в Престоне.

Фермер поставил кочергу на место и покачал головой:

– Страшное дело, да! Рано утром к нам сюда приходил поисковый отряд. Я предлагал свою помощь, но мне сказали, что в нашей части долины народу хватает. Мальчика они так и не нашли, очень жаль. – Он тяжело опустился в соседнее кресло. – Сегодня я оставил пса ночевать в хлеву и дверь чуть приоткрыл. Как говорится, лишняя осторожность никогда не повредит. Правда, я привык полагаться только на себя. У меня в прихожей, за дверью чулана, стоит дробовик – на всякий случай. Вдруг понадобится! – Фермер протянул мозолистую руку: – Джеймс Фоллет.

Ратлидж пожал хозяину руку, однако при этом, не удержавшись, украдкой покосился в сторону кухни.

– Вы за девушку не беспокойтесь, – сказал Джеймс Фоллет, проследив за его взглядом. – До ближайшего врача от нас миль двадцать, и то если по прямой. Фамилия его Джарвис. Моя Мэри вот уже лет тридцать, а то и больше пользуется всю семью и скотину.

Ратлидж ему поверил. На таких уединенных фермах жена обычно оказывала первую и иногда единственную помощь в срочных случаях.

Фоллет вытянул ноги к очагу:

– Где ее снесло с дороги?

Ратлидж рассказал ему все, что мог. Фоллет заметил:

– Да, знаю я то место. Она не первая там перевернулась! Опасный участок; даже в сильный дождь дорогу размывает. Ну ладно. С рассветом подниму ее коляску. Вот коня жалко.

– Не знаю, был ли у нее с собой багаж. Но если она ехала из Карлайла...

– Я посмотрю сзади – наверное, она прихватила с собой какой-никакой чемодан или саквояж.

Фоллет потянулся к стоящей на столе стойке с трубками, выбрал одну и, тщательно набив, зажег лучину от пламени в очаге, чтобы раскурить. Голова у него была седая со стальным отливом, лицо обветренное. Сквозь облако табачного дыма смотрели пронизательные голубые глаза. Ратлидж заметил, что хозяин дома второпях надел брюки и свитер прямо поверх пижамы.

– Страшное дело, – повторил Фоллет, имея в виду убийства. – В наших краях к такому не привыкли. Подумать только, целая семья! Не понимаю...

– Поисковый отряд сообщил какие-нибудь новости?

– Судя по всему, инспектор Грили понятия не имеет, кто убийца. Признаюсь вам честно, меня этот вопрос тоже сильно донимает. С тех пор как спасатели ушли, ломаю голову, но никак не могу ни до чего додуматься. И ведь Элкотты всегда считались людьми тихими, мирными. Они не из тех, кто ссорятся с соседями и наживают врагов! Да еще Камминс – хозяин гостиницы – сказал, что с фермы, похоже, ничего не унесли. Значит, убили их не для того, чтобы ограбить. Разве что вор перепугался, когда Элкотт его засек, ну и не выдержал... Наверное, испугался, что его узнали и пойдут слухи. А все-таки вряд ли их убил случайный грабитель. Страшное дело, страшное и зловещее. Убийца даже малых детей не пощадил!

– Вы хорошо знали ту семью?

– Достаточно хорошо. Ферма Элкотта, можно сказать, напротив нас, на том берегу озера Эрскуотер. Правда, я не часто бывал у них в гостях. Конечно, с папашей нынешнего владельца... убитого... с Генри то есть... я был знаком получше. Мы с ним вместе состояли в церковном комитете. Ну а с Джералдом мы время от времени встречались в Эрскдейле. Он старший, поэтому после смерти Генри их ферма «Горная» перешла к нему. Он хороший овцевод. Его жена приехала сюда на третий год войны – в конце шестнадцатого или в начале семнадцатого. В самом начале войны она овдовела, осталась одна с двоими детишками. В конце прошлого лета у них с Элкоттом родились близнецы. Приятная женщина во всех отношениях. Дом вела хорошо, а моя Мэри говорит, что она и кухарка неплохая. На последней церковной ярмарке соседка купила ее печенье и сказала Мэри, что оно очень вкусное. Наверное, мальчик тоже умер... В каком-то смысле так даже лучше. Ведь он остался совсем один. Как он справился бы в таком-то возрасте? И потом, не знаю, как он мог выжить в такую метель!

«А если мальчик может опознать убийцу? Что, если ребенка настиг убийца, а не метель? Шестая жертва?»

Хэмиш напомнил Ратлиджу, что сейчас, ночью, он все равно ничего поделать не сможет. Главное – как можно скорее добраться до Эрскдейла.

И все же отзывы соседей нельзя недооценивать, думал Ратлидж. Отношение соседей говорит о многом, особенно в маленьких городках и деревнях. Соседям известно все: и сколько зарабатывает муж, и какая хозяйка жена, заслуживает ли та или иная семья доверия или нет, аккуратисты они или неряхи, экономны или любят транжирить, трудолюбивы или ленивы. Здесь, в уединенной горной долине, мнение соседей, наверное, значит еще больше, ведь видятся местные жители нечасто. Чтобы занять у соседки чашку сахара, придется пройти пешком несколько миль. Интересно, догадывался ли Джералд Элкотт, что ему и его близким грозит опасность? А может, однажды вечером к нему в дом просто постучалась сама Смерть – постучала наугад...

Хэмиш, который тоже вырос в уединении горной Шотландии, заметил: «Жизнь в таких местах очень простая. Но и здесь встречаются ревность и убийство. И даже жадность».

Ратлидж с трудом преодолевал навалившуюся на него усталость. Разомлев от тепла, он едва не ответил Хэмишу вслух, по привычке, но вовремя прикусил язык. Повернувшись к хозяину дома, он сказал:

– Давайте посмотрим, что удалось выяснить миссис Фоллет. Мне нужно как можно скорее ехать дальше. До Эрсдейла путь неблизкий.

– Девушка может остаться у нас. Так будет даже лучше, если она серьезно ранена. А на вашем месте я бы тоже подождал до утра. Но вы лучше знаете, что вам делать...

В гостиную вошла хозяйка.

– Ребра, похоже, не сломаны, но сильно ушиблены, – сказала она. – Я перебинтовала их как можно туго. Бедняжка немножко согрелась. Если хотите поговорить с ней, сэр...

Когда гость и хозяин поднялись, миссис Фоллет застенчиво добавила:

– И, если хотите, выпейте чаю.

Войдя следом за хозяйкой на кухню, Ратлидж увидел, что спасенная им девушка сидит у огня. Лицо у нее очень усталое, глаза смотрят в пространство. Кажется, она наконец осознала, что была на волосок от гибели!

Хозяйка успела переодеть ее во фланелевую ночную рубашку, которая была на пару размеров ей велика, а сверху укрыла теплым одеялом – вместо халата. Пледы из коляски и из автомобиля Ратлиджа сохли на спинках стульев, придвинутых к очагу. Уютная кухня пропахла мокрой шерстью. У локтя спасенной стоял наполовину выпитый стакан теплого молока. Сейчас вид у нее был совсем юный; влажные густые черные волосы были по-девичьи заплетены в косу. На плечи гостье хозяйка набросила полотенце.

Услышав шаги, пострадавшая повернула голову, вздрогнула и плотнее запахнулась в одеяло, словно из скромности.

Миссис Фоллет протянула Ратлиджу чашку с чаем; отпив глоток, он понял, что хозяйка добавила в чай кое-чего покрепче, и с благодарностью улыбнулся ей. Потом кивнул своей пассажирке и мягко спросил:

– Вам уже лучше?

– Да, – ответила она, правда еле слышно.

– Как вас зовут?

Словно удивившись, что он этого не знает, девушка немного повысила голос:

– Джанет Аштон.

– Мисс Аштон, вы можете рассказать, что с вами случилось?

Вопрос как будто встревожил девушку, и миссис Фоллет положила руку на ее плечо, словно утешая.

– Конь сбился с пути, – ответила за гостью миссис Фоллет. – И упал с обрыва, а коляску потащил за собой, и она перевернулась. Конь, наверное, сломал ногу или еще как-то поранился; он метался, а потом затих. Она пробовала дотянуться до него, уговаривала подняться, но ничего не получалось.

Мисс Аштон поморгала, словно только что проснулась.

– Да. Я... мне стало страшно, я подумала, что коляска разбилась при падении... и никак не могла выбраться из-под нее... – Ее передернуло, она глубоко вздохнула, стараясь прогнать страшную картину. Потом подняла глаза на Ратлиджа: – Вы сказали... кажется, вы сказали, что конь околел?

– Да. – Ратлидж взял стул и подсел поближе к мисс Аштон. – Кого мне известить о том, что с вами случилось? Должно быть, ваши родные беспокоятся за вас.

– Нет... родных нет. Нет...

– Что привело вас сюда в такую погоду? – вмешался Фоллет. – Глупость какая – девушка одна, да еще в метель!

Но мисс Аштон зарылась лицом в одеяло, отказываясь отвечать.

Миссис Фоллет сурово сдвинула брови:

– Ну-ка, не пугай ее! Она и так устала. Я отведу ее в постель. Джим, там есть грелка, положить ей в ноги. Принеси ее наверх, пожалуйста, через пять минут. – Негромко воркуя, словно успокаивая ребенка, она повела мисс Аштон из кухни, придерживая на ней тяжелое одеяло.

Фоллет и Ратлидж смотрели им вслед.

– Спальня нашего сына тоже свободна, так что и вы можете переночевать, если захотите. Он сейчас в Кесвике, у него там девушка.

– Спасибо, но я должен ехать, – с искренним сожалением ответил Ратлидж. – Меня ждут в Эрсдейле. – Он поставил чашку на стол и вышел к машине за термосом.

После того как Фоллет наполнил термос горячим чаем, Ратлидж подробно расспросил его, как ехать дальше. Он нехотя вышел на крыльцо, в холодную, ветреную ночь. Пес Бидер проводил незваного гостя до самой машины. Он шел, опустив голову и тихо подвывая, словно демонстрировал принципиальную неприязнь к чужакам.

– С тобой я бы не хотел столкнуться неожиданно, – сказал Ратлидж, беря заводную ручку и подходя к водительской дверце. – Убийца я или нет.

Хэмиш сказал: «Жалко, что такого пса не было в семье убитых».

– Сомневаюсь, что пес помог бы им, если убийца был вооружен. Или убийца был им всем знаком...

Ратлидж с трудом развернулся во дворе и спустился на дорогу по своей колее. Мисс Аштон сейчас ничего не грозит. До места назначения осталось совсем недалеко. Он согрелся у огня, а виски придало ему второе дыхание. Он энергично устремился вперед. Но его снова окутала тьма, которую нарушали лишь яркие лучи фар. И тогда он снова вспомнил о нависших над ним горах – они, как волки, не приближались к огню. У него разыгралось воображение, и его словно отбросило назад во времени, в войну, когда он, будучи опытным солдатом, даже в темноте угадывал движение в немецких окопах, хотя не слышал ни звука, и мог почувствовать, как враги группируются перед внезапной атакой.

До места назначения Ратлидж успел добраться еще до рассвета. Правда, он на полчаса задержался в том месте, где нашел перевернутую коляску. Как-никак, он профессионал, и война не притупила, а, наоборот, отточила его навыки. Чутье требовало осмотреть место происшествия после того, как он позаботился о пострадавшей и она больше не нуждалась в нем.

Ветер утих, а с ним и снегопад. Ратлидж светил фонарем на перевернутую коляску и размышлял. Если бы он случайно не ехал той же дорогой, Джанет Аштон была бы мертва.

«Ну да, ей крупно повезло, – согласился Хэмиш. – Мы ее спасли. А кто спасет нас?»

Притворившись, будто не уловил издевки, Ратлидж осторожно прошелся по обочине. Его мозг полицейского по привычке подмечал все подробности в то время, как он живо представлял себя погребенным под перевернутым автомобилем. Какая легкая смерть! Замерзнуть, заснуть в снегу... Неужели такая же участь постигла и пропавшего мальчика? А что с убийцей? Вдруг и его убила метель, свершив правосудие вместо людей?

В нескольких шагах от того места, где он с трудом тащил Джанет Аштон на дорогу, лежал занесенный снегом холмик, похожий на саквояж или чемодан. Его отбросило на несколько футов после того, как коляска, перевернувшись, ударилась о землю. Ратлидж заметил, что одно колесо треснуло и отвалилось. Конь, запутавшийся в постромках, и перевернувшаяся коляска указывали в разные стороны. Невозможно понять, куда ехала мисс Аштон

до того, как конь сбился с пути. А спросить ее Ратлидж не догадался. Она казалась такой слабой, беззащитной. Конечно, она не имеет отношения к недавней трагедии, случившейся в Эрскдейле, однако она тоже стала жертвой той же самой метели. Чудо не то, что ее нашли вовремя, чудо, что она вообще осталась в живых. Падение было опасным. Осмотрев все, что хотел, Ратлидж выключил фонарь.

Когда он возвращался к автомобилю – мотор работал на холостых оборотах, – Хэмиш сказал: «Если бы она сломала шею, ты бы не смог вытащить ее на дорогу».

– Верно, – ответил Ратлидж. – Если бы Джанет Аштон сломала шею, она бы погибла или осталась калекой на всю жизнь.

Отпустив ручной тормоз, Ратлидж очень осторожно развернулся и поехал дальше.

Хэмиш, словно почуяв его усталость, то и дело заводил разговор на неприятные темы. Он вспоминал о только что завершившемся престонском деле и о письме, которое пришло из Шотландии за день до отъезда на север. Крестный отец, Дэвид Тревор, приглашал Ратлиджа провести у него рождественские каникулы. Ратлидж ответил крестному, что в такую плохую погоду не знает, стоит ли ехать на север.

«Да, ночь выдалась – хуже не придумаешь!»

Ратлидж попробовал возразить, но умолк, не желая отвлекаться от дороги. Недовольный Хэмиш тут же затеял спор на болезненную тему. Он прекрасно знал, что Ратлидж боится встречи вовсе не с Дэвидом Тревором, а с его гостьей, женщиной, на которой непременно женился бы Хэмиш, если бы остался жив...

Глава 6

Звезды на небе стали почти не видны, когда Ратлидж въехал в небольшой городок, перерезанный посередине дорогой. Справа за домами и лавками виднелось озеро, а слева – высокие горные вершины. В такую погоду дорога превратилась в сплошное месиво. Грязь подмерзла в предраассветном холоде и трескалась под колесами. Еще примерно четверть часа – и наступит утро. Но пока в домах не горел свет, а улицы были пустыми. Ратлидж притормозил у полицейского участка. Дверь оказалась закрыта. Он звонил, но ему никто не открыл. Ратлидж снова сел в автомобиль и поехал искать ночлег.

Над городком нависал высокий горный хребет, его неровные очертания в темноте сглаживались, крутые склоны казались бесформенными под укутавшим их белым одеялом. Горы словно скрывали свою подлинную натуру. Долина Эрскдейл как-то странно затихла, словно чего-то ожидая. Вскоре Ратлидж подъехал к высокому и широкому каменному дому, в котором располагалась местная гостиница. Впрочем, куда больше он походил на обыкновенный частный особняк, в котором сдают летом комнаты туристам.

Кто-то успел очистить подъездную дорожку от снега, Ратлидж без труда покатил по ней на задний двор. Здесь, между конюшней и сараями, стояли самые разнообразные средства передвижения – повозки, фургоны и одна коляска. Стояли они беспорядочно. Видимо, добровольные помощники, которые отправились искать пропавшего мальчика, очень спешили. Грязные следы вели со двора к склону горы и быстро терялись во мраке.

Когда Ратлидж вышел из автомобиля, в окошке первого этажа зажегся свет и кто-то выглянул из-за занавески. Он обогнул дом и взойшел на крыльцо. Вскоре парадная дверь открылась, и женский голос спросил:

– Вы и есть тот самый человек из Лондона? – Женщина подняла голову навстречу ветру.

Она сидела в инвалидной коляске, ноги ее были укутаны мягким синим одеялом. Ратлидж подумал: она, наверное, смелая, раз открыла дверь незнакомому человеку, зная, что где-то бродит убийца.

– Инспектор Ратлидж. Извините, что я так поздно... или так рано. Дороги...

Она кивнула и привычно легко развернула коляску, пропуская его в дом.

– Входите, входите же! Меня зовут Элизабет Фрейзер. Все здоровые мужчины сейчас в горах, ищут мальчика. Миссис Камминс, хозяйка гостиницы, попросила меня поддерживать огонь в очаге и греть чайник. Ей нездоровится, и я присматриваю за ней. Инспектор Грили попросил ее устроить вас на то время, пока вы будете у нас.

Ратлидж обернулся. Элизабет Фрейзер ловко заперла дверь на засов и покатила вперед, показывая гостю дорогу. Чем дальше они уходили от парадного входа, тем теплее становилось в длинном коридоре. Может, от этой женщины исходит жар, как от печки?

Или просто его разум засыпает от усталости?

Придержав для нее очередную дверь, Ратлидж вошел на кухню.

От пестроты у него зарябило в глазах: стены светло-кремовые, блеклые занавески на окнах когда-то были темносиними, на стульях подушки с пестрым цветочным орнаментом. На кухню можно было попасть и черным ходом – дверь в противоположной стене вела на задний двор.

– Хотите чаю? – Мисс Фрейзер жестом показала на чайник.

– Да, пожалуйста, – ответил Ратлидж. Правда, чаю он напился вдоволь, просто ему не хотелось оставаться в одиночестве.

Кухня была обычная, тихая, уютная – она не имела никакого отношения ни к убитому семейству, ни к присяжным в Престоне, ни к голосу Хэмиша Маклауда на заднем сиденье. На кухне можно было не думать о нависших над городком горах и о деле, из-за которого

он сюда приехал. Ему хотелось только одного: сесть на стул, слушать, как потрескивают поленья в очаге, ощущать тепло, которое постепенно распространяется по телу. Тепло и сонливость... Он будет спать без сновидений, потому что свет прогонит сны. Женщина в инвалидном кресле почему-то напомнила ему Оливию Марлоу...

Но Оливия Марлоу – автор военных стихов О.А. Мэннинг – умерла и похоронена в Корнуолле. Она вне пределов его досягаемости.

Встряхнувшись, Ратлидж начал стаскивать перчатки, шарф и пальто, вместе со шляпой сложил все на один из стульев. Мисс Фрейзер деловито заваривала чай; не желая ей мешать, он подошел к большой железной плите и протянул к ней руки, наслаждаясь теплом. Мисс Фрейзер достала из буфета блюдо с лепешками, оставшимися после чая, и спросила:

– Вы проголодались? Сделать вам сэндвичи?

– Спасибо, не надо. – Заставив себя забыть о здешней мирной обстановке, он в свою очередь спросил: – Есть какие-нибудь новости? Мальчика нашли?

– Нет, во всяком случае, я ничего не слышала. Один спасатель упал и вывихнул колено. Когда его доставили в городок, он сказал, что его отряду не удалось найти никаких следов. А от других отрядов вестей пока не было. Все разошлись с факелами... – Элизабет Фрейзер покосилась на окно, хотя занавески были задернуты. – Не понимаю, как Джош... тот мальчик... мог выжить в такую погоду. Холод собачий, а он такой маленький, ему только что исполнилось десять... – Голос у нее замер.

– Ранние метели часто бывают самыми тяжелыми, – согласился Ратлидж. – Я все думаю, не рассчитывал ли убийца на то, что метель занесет его следы. Надеюсь, ему все-таки повезло. – Руки и ноги у него горели: кровь снова бодро бежала по жилам. Теперь ему показалось, что на кухне душно, и он сел на дальней стороне стола, подальше от плиты. Заставив свой усталый ум сосредоточиться, он сказал: – В Лондоне меня не успели как следует ввести в курс дела. Когда мне позвонили, я был в Престоне. Вы хорошо знали... Элкоттов? – Ратлидж понимал, что ему нужно хоть немного поспать. Но, если он сейчас ляжет, вряд ли сумеет потом встать.

– Не то чтобы хорошо. – Мисс Фрейзер улыбнулась, и ее лицо словно озарилось внутренним светом. – Здесь не так, как у вас в Лондоне, нет активной светской жизни. Мы встречаемся на рынке, на крестинах, на свадьбах... и довольно часто на похоронах. Конечно, я была знакома с Элкоттами. Очень славная семья. У Джералда... – она прикусила губу и немного помолчала, – была довольно большая овцеводческая ферма, которую он унаследовал от отца.

Мисс Фрейзер поставила чайник рядом с Ратлиджем и подала ему чистую чашку. Он заметил, что здесь все под рукой: невысоко, так чтобы можно было достать, не вставая с кресла. Видимо, она все приспособила для своего удобства.

– Продолжайте, – попросил он.

– Джералд разводил овец и управлялся сам – кроме того времени, когда он воевал. Тогда фермой за него управлял его брат Пол. Потом Джералда комиссовали, он вернулся домой и снова занялся хозяйством. Когда он лежал в госпитале в пригороде Лондона, он познакомился с Грейс Робинсон, вдовой с двоими маленькими детьми – тем самым пропавшим мальчиком и девочкой. Они полюбили друг друга и поженились. Только она оказалась вовсе не вдовой. Ее муж не погиб, а попал в немецкий лагерь для военнопленных. Вернувшись домой, он узнал, что его жена и дети пропали.

– И найти их никак не удавалось, – кивнул Ратлидж, – потому что жена снова вышла замуж и сменила фамилию.

– Вот именно. Здесь армия виновата, а не Джералд и не Грейс. Его перепутали с кем-то другим. Фамилия Робинсон достаточно распространенная. Наверное, там, на фронте, в самом деле нелегко было разобраться, кого взяли в плен или ранили, а кого убили.

Ратлидж вспомнил многочисленных мертвецов – в их число попал и Хэмиш. Их сваливали друг на друга, как дрова; от них шел ужасный запах крови и гниющей плоти. Многих из тех, кого снарядами разорвало на куски, записывали «пропавшими без вести».

– Да, там было непросто, – ответил он.

Его собеседница вздохнула:

– Так вот, Джералд и Грейс поженились незадолго до конца войны и ждали близнецов. А потом вдруг откуда ни возьмись появился Робинсон. Грейс пережила настоящий удар. Она не видела мужа с Рождества четырнадцатого года, и даже мальчик, Джош, едва вспомнил отца. В общем... он объявился.

– Представляю себе, – кивнул Ратлидж. – Как же у них все разрешилось? – Он откусил кусок лепешки. Сдобная, на яйцах, сахаре и масле, она напомнила ему угощение его детства, а не скучную стряпню военного и послевоенного времени, когда не хватало продуктов.

– Как ни странно, вполне дружелюбно. Наверное, Грейс и Робинсону пришлось сначала развестись, а потом, перед самым рождением близнецов, Джералд и Грейс поженились во второй раз. Робинсон благословил их – во всяком случае, так мне говорили. По его словам, на войне он очень изменился и не знал, как начать жизнь сначала... Довольно грустно.

Случай с Робинсонами был не единственным. После долгой военной разлуки распадалась многие семьи. Одни продолжали жить, как прежде, особенно если у них были дети, другие оставались вместе просто потому, что не могли себе позволить развод по финансовым или социальным причинам. Они жили молча, ненавидя друг друга.

Хэмиш, как всегда, не удержался от замечания: «Вот и ты не женился на своей Джин. А я бы многое отдал, чтобы жениться на Фионе!»

Они часто спорили из-за женщин. Хэмиш не уставал напоминать, какой неглубокой оказалась любовь Джин, в то время как Фиона хранила ему верность даже после его смерти. Ратлидж до сих пор завидовал Хэмишу: его так сильно любят!

Ратлидж поспешил сменить опасную тему, потому что не был уверен, что в таком состоянии выдержит спор с голосом, звучащим у него в голове.

– Где сейчас живет этот Робинсон? – спросил он.

– В пригороде Лондона. Бедняга, кому-то придется сообщить ему страшную новость. Я рада, что не мне.

– Что тогда говорили в Эрскейле? Как местные жители восприняли известие о Робинсоне?

Мисс Фрейзер задумчиво ответила:

– Конечно, сначала все очень переполошились. История, прямо скажем, необычная, а слухи расходятся быстро. Но постепенно все снова успокоились. Грейс... была... славной женщиной, и мы любили ее такой, какая она... была.

Голос ее снова замер. Ратлидж с большой осторожностью поставил чашку на стол, понимая, что проигрывает в схватке со сном.

– По-моему, – медленно проговорил он, – если я в скором времени не окажусь в постели, вам придется переступить через меня, чтобы приготовить завтрак.

Он собирался ненавязчиво пошутить, но сразу вспомнил, что мисс Фрейзер сидит в инвалидной коляске и вряд ли способна переступить через кого бы то ни было.

Мысленно обругав себя за черствость, он отрывисто сказал:

– Извините...

Она улыбнулась:

– Не извиняйтесь. Мне было бы лучше, если бы все забыли, что я не могу ходить. Жалость гораздо хуже элементарной предупредительности.

Ратлидж отлично ее понимал. Он и сам не любил, когда его жалели. Или напоминали, что он подвел и себя, и своих солдат. Доктор Флеминг оказался прав: лучше бороться в одиночку, невзирая на последствия.

Встав, он неуклюже потянулся за пальто и перчатками. Шляпа упала, покатилась по полу, похожая на футбольный мяч неправильной формы. Подняв ее, он сказал:

– Будьте так добры, покажите мне мой номер... не хочется дожидаться мисс Камминс.

– В коридоре вторая дверь справа ведет в комнаты для гостей. Ваш номер – последний. Вон там приготовлена грелка, – добавила мисс Фрейзер, показывая на очаг. – Я завернула ее в полотенце. Очень рекомендую. Рано утром в доме бывает очень холодно. Я подогрею вам воду для бритья...

– Я и сам подогрею, если вы оставите чайник на плите. Должно быть, вы устали не меньше моего, раз ждали моего приезда.

– Вы правы. Что ж, инспектор, тогда спокойной ночи. Надеюсь, завтра мы узнаем, что Джош жив. Если кто-нибудь придет, я вас сразу разбужу.

– Спокойной ночи. И спасибо вам!

Прежде чем лечь спать, Ратлиджу пришлось снова отправиться на улицу – его вещи были в машине. К счастью, отведенная ему комната оказалась просторной, а окна выходили на озеро. Но, увы, в гостинице действительно было очень холодно. Улегшись наконец в постель, Ратлидж решил, что здешний климат ничем не уступает Гренландии. Предложенная мисс Фрейзер грелка приятно согревала ноги, и он, убаюканный ветром, довольно быстро заснул.

Ближе к рассвету ему начали сниться сны. Свеча погасла, и в комнате царил полумрак: зимние ночи длинные. Ратлидж проснулся, как от толчка. Хотя он открыл глаза, перед его мысленным взором все еще стоял образ мальчика, замерзшего в глубоком снегу.

Глава 7

Утро не принесло с собой никаких вестей.

Инспектор Грили прислал в гостиницу констебля; они с Ратлиджем вошли на кухню одновременно, только с разных сторон. Констебль появился со двора, в тесном тамбуре он отряхнул пальто от снега и снял сапоги. На кухне он сразу же подошел к плите и протянул руки к огню. Он оказался человеком среднего возраста, коренастым, с седеющими волосами и квадратным подбородком. От мороза нос у него алел, как вишня.

– Ну и погода! – без всякого вступления начал констебль. – Всю жизнь здесь живу, но такого не припомню. Извините, сэр, руку не пожимаю – боюсь, пальцы отвалятся. Разрешите представиться – констебль Уорд. Мистер Грили шлет свои извинения за то, что не смог прийти лично. Он велел мне передать, что пока все без изменений. Не обижайтесь, но он не хочет, чтобы вы тоже отправились на поиски и заблудились.

– Вполне его понимаю, – ответил Ратлидж. – Но я раньше бывал в ваших краях и гулял по горам...

– Зимой у нас все по-другому, сэр, когда вех не видно, – возразил констебль. – Мистер Грили распорядился, чтобы все помощники являлись в гостиницу и докладывали вам, что им удалось найти. Во дворе у Элкоттов лучше не топтаться, а гостиница у нас, если можно так выразиться, в самом центре. К тому же здесь гораздо удобнее разговаривать, чем в участке.

– Мальчика не нашли? Вы хотя бы догадываетесь, в какую сторону он побежал?

– К сожалению, нет, сэр. – Уорд огляделся, как будто боялся, что их подслушают. – Помоему, он умер. В такую погоду выжить невозможно. А его останки найдутся только весной.

– А что насчет убийцы? Новости есть?

Уорд неуклюже топтался у плиты.

– Мы к нему не ближе, чем вчера.

– У вас есть карта? Мне нужно разобраться, что к чему.

– Да, карта есть, и, кстати, неплохая. На нее нанесены все фермы и горы, а еще местные достопримечательности. Правда, карта иногда врет – дороги не всегда проходят именно там, где нарисованы. Так что на дороги вы не особенно смотрите.

Констебль извлек из кармана сложенную карту, развернул ее, разложил на кухонном столе и придавил с четырех углов солонкой, перечницей, сахарницей и пустым сливочником.

– Мы здесь. – Толстый палец провел по ряду прямоугольничков-домов вдоль дороги. – А вон там ферма Элкоттов. – Констебль ткнул в квадратик, расположенный в нескольких милях от центра городка. – По прямой не так и далеко. Да только местность у нас, сами видите, не равнинная, по прямой никак не добраться. Даже если ехать вокруг озера, получается короче.

Ратлидж подошел к Уорду и стал рассматривать карту. Он сразу увидел грунтовую дорогу, по которой сюда приехал. Дорога огибала озеро и пересекала городок. Затем, выйдя из городка, шла по другому берегу Эрскуотера. С южной стороны ее перегораживала высокая гора, аккуратно подписанная печатными буквами: «Двуглавая».

Огромное пространство для поисков маленького мальчика. Или убийцы. Но далеко ли удалось им уйти в такую метель?

Как и в Уосдейле, здешняя дорога не огибала Эрскуотер целиком. Озеро было длинным и узким, тянулось с востока на запад. Восточная оконечность чуть уходила на северо-восток и словно указывала на Скиддо, высочайшую вершину в Англии. Противоположный от Эрсдейла берег был заболоченным, а выше стояли острые, зазубренные утесы, которые назывались Когти.

– Как вы попадаете на тот берег озера?

– Туда ведут тропы, только их надо знать...

Уорд осекся, когда открылась дверь и на кухню вкатилась мисс Фрейзер.

– Доброе утро, констебль! Инспектор...

Судя по ее виду, она не выспалась и все же пребывала в хорошем настроении.

Покраснев как свекла, Уорд поклонился:

– Доброе утро, мисс. А я тут топал в такую рань. Надеюсь, я вас не разбудил?

– Нет, я уже проснулась. Если увидите мужа миссис Камминс, передайте ему, пожалуйста, что миссис Камминс немножко лучше. Тогда он успокоится. Позавтракаете перед уходом?

– Да, мисс, с удовольствием – и то и другое. – Констебль с выражением собачьей преданности следил за Элизабет Фрейзер, которая как ни в чем не бывало готовила завтрак.

Переведя взгляд с Уорда на мисс Фрейзер, Ратлидж впервые заметил, что она очень красива. Волосы такие светлые, что казались серебристыми, а глаза – ярко-голубые, такого оттенка, как море при ярком солнечном свете. Наверное, подумал Ратлидж, в ее жилах течет скандинавская кровь – здесь, на севере, это не редкость. А вот выговор у нее скорее уэст-морлендский. Значит, она не местная.

Вскоре в кастрюле запыхтела густая овсяная каша; Элизабет Фрейзер протянула констеблю тарелки, а потом показала на расписной фарфоровый кувшин, стоящий на столе, и попросила Ратлиджа:

– Будьте так любезны... сходите за молоком. Соседка уже подоила и свою корову, и нашу.

Он кивнул и вышел в ту дверь, которую указала мисс Фрейзер. В узкой каменной кладовке, где летом сохранялись на холоде молоко и масло, а зимой было теплее, чем на улице, на средней полке стоял большой молочник.

Мисс Фрейзер раскладывала кашу по тарелкам. Уорд накрывал на стол. Ратлидж сказал:

– Когда я спустился, сразу заварил чай. Должно быть, он уже готов. – Он взял сливочник, который по-прежнему прижимал угол карты, отлил в него молока, а остальное унес в кладовку. Вернувшись, он взял у Элизабет Фрейзер тарелку с дымящейся кашей.

– Вы просто молодец, спасибо вам! – поблагодарила она.

– Если мисс Камминс будет завтракать наверху, у себя, я с удовольствием отнесу ей поднос, – застенчиво предложил Уорд.

– Ах, будьте так любезны, констебль! Я все для нее приготовлю, когда мы позавтракаем.

Ратлидж положил себе в кашу сахара и масла, подлил молока. Тем временем мисс Фрейзер поджарила хлеб и поставила на стол сливовое варенье. Уорд с аппетитом набросился на еду.

Каша оказалась превосходной, густой и горячей.

За завтраком они обсудили метель, которая разыгралась так неожиданно, поговорили о том, как идут поиски мальчика. Уорд сетовал, что приходится рассылать отряды во все стороны. Никто не упоминал о ферме, где нашли трупы, и не гадал о судьбе ребенка, заблудившегося в холоде и темноте.

Потом Уорд понес поднос с завтраком миссис Камминс, а Ратлидж помог мисс Фрейзер убрать со стола.

– Если миссис Камминс так плохо себя чувствует... – начал он, думая, что, раз хозяйка тяжело больна, ему, наверное, лучше подыскать себе другое жилье.

– Она... пьет, – сообщила ему Элизабет Фрейзер. – К чему скрывать? Хотя вопрос и деликатный. Она начала пить, когда Гарри был во Франции. Потом он вернулся домой целый и невредимый, но она уже не может остановиться. Убийства ее страшно расстроили – разумеется, как и всех нас. И все-таки отговорки в таком деле, по-моему, неуместны. –

Она поморщилась. – Не хочу показаться вам черствой, но Гарри очень нужна ее помощь. Управлять гостиницей нелегко. А она, наоборот, отваживает постояльцев. Если Камминсы не заработают хоть немного летом, на что они будут жить весь год? – Она погрузила тарелки в горячую мыльную воду. – Инспектор, вы окажете им большую услугу, если останетесь.

– Значит, останусь.

Вернулся Уорд:

– Она сказала, что сегодня у нее проснулся аппетит.

– Отличная новость! – бодро воскликнула мисс Фрейзер. – Как только приберусь здесь, пойду к ней, а вас оставляю в покое. Совещайтесь!

– Мисс, из-за нас вы не должны уходить, – возразил Уорд. – Кстати, вы ведь хорошо знаете наши края! Мистеру Ратлиджу полезно будет узнать мнение человека сведущего, особенно когда начнут приходить весточки от поисковых отрядов.

Они снова склонились над картой. Констебль показывал Ратлиджу местные достопримечательности. Иногда он подрисовывал тропы, ведущие от дороги к фермам, или исправлял линии, нанесенные на карту. Ратлидж старался все запомнить.

По правде говоря, он в самом деле предпочел бы отправиться на поиски самостоятельно и начал бы с фермы Элкоттов. Там наверняка найдется какой-то знак, который укажет, в какую сторону побежал Джош Робинсон! С другой стороны, прав и инспектор Грили: опасно бродить по незнакомой гористой местности в такую непредсказуемую погоду, когда из-за снега все кажется не таким, как на самом деле, а день короткий. Едва ли он добьется большего успеха, чем местные жители. Как бы потом не пришлось искать еще и его.

Хэмиш парировал: «А кто вчера нашел девчонку на дороге?»

– Где находится ферма Фоллетов? – спросил Ратлидж, вспомнив Джанет Аштон.

Уорд покосился на него:

– Знаете их, сэр?

Когда Уорд показал место на карте, где находилась ферма, Ратлидж объяснил:

– Неподалеку от их фермы вчера ночью перевернулась коляска.

Уорд перестал водить карандашом по карте и быстро переспросил:

– В коляске, случайно, не убийца сидел?

– Там была женщина. Я оставил ее у Фоллетов. У нее ушиб ребер.

– А-а-а... Мэри о ней позаботится. – Карандаш снова задвигался по карте. – Джим Фоллет хороший овцевод, – продолжал Уорд, сам того не зная, повторив отзыв самого Фоллета о Джералде Элкотте. – Кстати, благодаря привычкам Джералда доктор установил время смерти. Перед тем как разыгралась метель, он успел загнать овец в овчарню. А корова и лошади остались некормленными. Значит, либо Джералд тогда уже умер, либо был не в том состоянии, чтобы позаботиться о скотине.

Ратлидж произвел мысленные подсчеты.

– Значит, с момента смерти прошло приблизительно четыре дня. Элкотты... Насколько я понял, их застрелили?

– Из револьвера крупного калибра. Убийца перестрелял их всех по очереди. Пол Элкотт приехал навестить брата и увидел... Он не заметил, что мальчика нет, зато инспектор Грили сразу обратил на это внимание, и сержант Миллер тоже. Мы не нашли никаких следов ни в доме, ни в хозяйственных постройках во дворе. Никто не знает, когда он убежал и что делал с тех пор. Может, убежал сразу, а может, где-то прятался и ждал, пока убийца уйдет. – Уорд помолчал и покосился на Ратлиджа. – По-моему, когда началась пальба, мальчика не было дома. Он пришел позже и наткнулся на убийцу. У него не было никаких шансов, сэр. Убийца, наверное, зарыл его труп в снегу, чтобы запутать следы, а сам давно сбежал.

– Я бы хотел сейчас же осмотреть ферму, – заявил Ратлидж, но Уорд покачал головой:

– Мистер Грили хочет сам отвезти вас туда, сэр.

Из вежливости Ратлидж не стал настаивать на своем.

– У Элкоттов были враги? Кто-нибудь желал им зла?

Уорд сразу посуровел:

– Об этом я стараюсь не думать. Неприятно перебирать знакомых и гадать, кто из них мог совершить такое злодейство!

– И тем не менее нельзя исключать того, что убийца из местных. Насколько я понимаю, в Эрскдейле чужаков немного, особенно в такое время года.

– Тоже верно. С другой стороны, вряд ли убийца хотел, чтобы его заметили... Только метель спутала все его планы, – не сдавался Уорд. – В Лондоне не проверяли, не сбежал ли какой-нибудь псих из сумасшедшего дома или из тюрьмы? Такой ни перед чем не остановился бы. Элкоттов он не знал, просто ему нужно было где-то погреться и пересидеть метель.

Хэмиш напомнил Ратлиджу, что фермер Фоллет придерживался примерно такого же мнения.

– А может, метель, наоборот, ему помогла. – Ратлидж посмотрел на констебля в упор. Уорд не отвел взгляда.

– Могу оставить вам карту, сэр. Мне самому она не нужна. А вот вам, может, и пригодится. Инспектор Грили велел спросить.

– Оставьте, если можете без нее обойтись.

Уорд ушел, отрывисто поблагодарив мисс Фрейзер за завтрак и натянув теплые сапоги, которые оставил у двери черного хода.

Глава 8

Вскоре после ухода констебля Ратлидж тоже вышел во двор. Небольшой садик, заваленный снегом, освещали скудные лучи солнца, которым удавалось пробиться сквозь плотный слой облаков. На месте прошлогодних грядок и клумб высились сугробы, придавая садику немного сказочный вид.

На севере невыгодно заниматься земледелием. Лето здесь короткое, а почва неплодородная, каменистая. Корнеплоды растут плохо, зато поздние сорта капусты и овощи, которые можно выращивать в теплицах, приносят неплохой урожай.

Посреди двора Ратлидж увидел колодец; слева, за конюшней, виднелся сарай. Рядом с ним помещался большой загон для скота, вдоль одной его стены тянулся длинный каменный желоб для воды. Под навесом стояли повозка и коляска. За зарослями малины и ежевики в углу участка – сейчас кусты стояли голые – начиналась тропа, ведущая в поле. Задрав голову, Ратлидж с трудом разглядел в тумане очертания горного склона. Гора нависала над гостиницей; еле заметная тропа поднималась к перевалу и наверху раздваивалась. В ущельях залегли длинные тени; на тропе попадались высокие валуны. Издали склон казался обманчиво ровным, но беспечных путников подстерегали осыпи и глубокие расщелины. Если бы не ветер, здесь царил бы полнейшая тишина.

Утром, увидев небо, Ратлидж решил, что горы не так давят, как вчера ночью. И все же неприятное чувство осталось. Его как будто отрезали от мира.

– Обманчивые они, горы, – сказала у него за спиной мисс Фрейзер. От неожиданности Ратлидж вздрогнул. – Наверное, в том их притягательность. И конечно, все помнят Вордсворта, который верил, что девственная Природа таит в себе тайны, утраченные цивилизованными людьми. Вряд ли ему удалось бы прожить в наших краях долго – он, наверное, даже не представлял, какая трудная жизнь у местных жителей. Край здесь суровый, неприветливый и ошибок не прощает. Иногда мне кажется: напрасно люди пустились здесь глубокие корни. Корни держат их на месте и не дают вырваться. Иначе они бы наверняка переселились куда-нибудь в Кент, Сомерсет или Эссекс. Если бы у них, конечно, был выбор... – Голос у нее был печальный.

Ратлидж обернулся и увидел, что Элизабет Фрейзер сидит в своей коляске, накиннув на голову платок от холода, и задумчиво смотрит на горные вершины, едва заметные на фоне серого неба.

Помолчав немного и не дождавшись от него ответа, она продолжила:

– Должно быть, мальчик очень испугался. Не могу не согласиться с констеблем Уордом: в такую ужасную погоду убийца, скорее всего, догнал его и прикончил. Вот почему мальчика до сих пор не нашли. Ему всего десять лет, вряд ли ему удалось убежать от взрослого мужчины... Я хочу надеяться – и не смею! Но прогонять надежду слишком жестоко.

– Есть ли другой выход из долины? Например, от фермы Элкоттов?

– Южнее есть одна горная тропа; старики говорят, по ней можно выбраться к перевалу, а оттуда спуститься к побережью. По той тропе раньше, очень давно, перегоняли скот. О ней знают только старожилы, и найти ее могут только местные жители. – Элизабет Фрейзер вскинула голову, в ее голубых глазах появилось встревоженное выражение. – Вы думаете, убийца... кто бы он ни был... сбежал из Эрскейла?

– Возможно. Скорее всего, инспектор Грили послал людей на поиски и в ту сторону.

Но что заставило убийцу перебираться через горы? Неужели он так хотел расправиться именно с Элкоттами? Если убийца – случайный маньяк, он мог найти жертву и на побережье. Безумец...

– Если убийца успел выбраться из долины, вы его уже не догоните. А нам остается лишь гадать, вернется он сюда или нет. Сделал ли он свое дело... доволен ли тем, что совершил... или намерен продолжать...

– Мы найдем его, – сказал Ратлидж. – Возможно, на поиски уйдет время, но мы его найдем. Не беспокойтесь.

Хэмиш скептически хмыкнул. Он не разделял уверенности Ратлиджа. «Ложь во спасение», – бурчал он.

Наверху, на горе, каркнул ворон, резкий звук гулким эхом отдался в ущелье. Элизабет Фрейзер склонила голову набок и прислушалась. Продолжая прерванную мысль, она сказала:

– Долина словно отрезана от всего мира. Иногда мне бывает здесь очень одиноко. А сейчас даже страшновато.

– Почему вы здесь живете? – спросил Ратлидж и тут же пожалел о словах, неосторожно слетевших с губ. Судя по всему, мисс Фрейзер во всем зависит от Камминсов. Исполняет роль компаньонки и помощницы спившейся хозяйки гостиницы.

Мисс Фрейзер улыбнулась:

– Люблю тишину. И ветер. Мне нравится жить в глуши. В таком месте все просто и понятно. Отличное противоядие против жалости к себе. Наверное, я кажусь вам такой же безнадежной дурой, как какая-нибудь туристка? Летом сюда приезжают горожане, чтобы «полюбоваться видами и благородными красотами». Мне следовало бы сказать, что я восхищаюсь мужеством здешних людей или бодрящим климатом. Здешняя красота кажется мне бескорыстной и настоящей.

Ратлидж беспокойно расхаживал по дворику туда-сюда. Он думал о том, как идут поиски мальчика. Элизабет Фрейзер наблюдала за ним.

– Вы, наверное, не привыкли ждать? – спросила она.

– Да, не привык... Боюсь, это заметно.

Хэмиш, по-прежнему бушующий в его голове, подталкивал к опрометчивым действиям. Ожидание Грили все больше действовало на нервы. Ему давно пора допрашивать свидетелей и собирать улики! Но большинство местных мужчин сейчас в горах, и до них не докричишься. Вполне возможно, что убийца тоже среди них. Интересно, учел ли Грили такую возможность?

Сильный порыв ветра смахнул с крыши снег, и их словно окатило холодным душем. Мисс Фрейзер нехотя развернула коляску и вернулась в дом. Вскоре за ней последовал и Ратлидж. Он закрыл дверь черного хода и запер ее на засов.

– Вы хорошо знакомы с местными жителями? – спросил он.

– Вас интересует, не могу ли я ткнуть пальцем в одного из них и сказать, что он убийца? – Элизабет Фрейзер подкатила коляску к окну и стала следить за бледными лучами солнца. – Да, можно сказать, я хорошо всех знаю.

Ратлидж сел за стол и от нечего делать начал складывать лежащие рядом салфетки. Простая работа немного отвлекла его. Почему она так спокойна? Давно ли приучилась так безропотно воспринимать свое увечье? А может, она вовсе не безропотна и до сих пор подавляет страдания?

– Возможно, убийца – не посторонний человек...

– Надеюсь, среди моих знакомых нет такого хладнокровного злодея, – задумчиво проговорила мисс Фрейзер. – Вы ведь знаете, иногда злость закипает медленно. Грызет, грызет изнутри, разъедает душу, как кислота, – и наконец вырывается на поверхность. Резкие слова... косые взгляды за спиной... перешептывание в лавке мясника или в кузнице. Жертва непременно о чем-то догадывается. Но по-моему, у Джералда Элкотта не было врагов. Не помню, чтобы кто-то говорил мне, что подслушал ссору или заметил хотя бы намек на недо-

вольство или зависть по отношению к нему. Едва ли кому-то так хорошо и так долго удалось бы скрывать враждебные чувства. По-моему, чрезмерная скрытность граничит с безумием!

— Даже безумцы не убивают беспричинно. — Ратлидж вспомнил Артура Марлтона, которого совсем недавно судили в Престоне. — Попробуйте взглянуть на произошедшее с другой стороны. Почему именно Элкотты? Кажется, их жизнь была вполне обычной. Они не слишком отличались от других семей. И вдруг кто-то вламывается в дом и убивает их всех, в том числе малых детей. Откуда такая ярость? Была ли она направлена именно на них? Или они просто оказались самыми доступными?

— У Элкоттов в здешних краях глубокие корни. И... да, старые обиды долго помнят и лелеют. — Элизабет Фрейзер по-прежнему не поворачивалась к нему лицом. — Я ведь вам уже говорила, край здесь суровый, и люди, которые здесь живут, тоже суровые. Им почти нечего дарить друг другу, кроме, может быть, доверия, и, если их доверие предано, они умеют ненавидеть.

Ее слова прервал скрип открываемой двери. На кухню вошел мужчина с сапогами в руках.

— Доброе утро, мисс, — поздоровался он с Элизабет Фрейзер и тут же повернулся к Ратлиджу, сидящему за столом. — Вы, наверное, будете инспектор из Лондона? — Он внимательно оглядел Ратлиджа с головы до ног, как будто оценивал его возможности. Удастся ли изнеженному горожанину справиться с трудностями, которые предлагает север? Видимо, удовлетворившись результатами осмотра, он протянул Ратлиджу свободную руку.

Высокий и тощий, мужчина закутался в теплое пальто и шарф. Лицо его покраснелось от ветра. Но ясные серые глаза казались живыми и пронизательными.

— Моя фамилия Хендерсон. Наш отряд искал... — заметив лежащую на столе карту, он нагнулся и ткнул в нее пальцем, — вот здесь. Мы ничего не нашли. Поговорили с владельцами вон той фермы... и той, и еще той, и этой. Никто не видел и не слышал ничего подозрительного. Никаких чужаков не заметили. Зато все могут подробно рассказать, где были и что делали последние два дня. То есть уже три. И даже четыре.

— И вы им верите?

— Трудно не поверить, если все как один твердят одно и то же и прямо смотрят в глаза. Я лавочник, а не полицейский, если начну подозревать своих постоянных покупателей, это сразу скажется на выручке. И все же... по-моему, они говорили правду. — Хендерсон покопался на мисс Фрейзер и тут же снова посмотрел на Ратлиджа. — Вряд ли подобное злодейство пройдет для человека бесследно. У того, кто виновен в таком преступлении, наверняка что-то отразится во взгляде. Да и женщина вряд ли захочет покрывать убийцу, который прикончил маленьких детей!

Ратлидж подумал, что это пронизательное замечание; полицейский наверняка должен принимать такие вещи в расчет, когда задает вопросы потенциальным подозреваемым. Даже если подозреваемый внешне невозмутим, его часто выдают глаза.

Правда, еще в Корнуолле он понял: совесть мучает далеко не всех убийц...

Хендерсон пробыл у них недолго, выпил горячего чая и снова ушел. Следом за ним в гостиницу явились посланцы еще от трех поисковых отрядов. Каждый, склонившись над картой, указывал на свой участок поисков. Они подробно рассказывали, что видели, какие места осмотрели и на какие фермы заглянули на своем пути. Ратлидж подробно записывал их показания.

Один из мужчин устало сказал:

— Не подумайте, что мы не стараемся. Делаем, что можем. Просто приходится обыскивать большой район, а где может быть мальчик, мы понятия не имеем. Может, он прошел той же дорогой раньше нас. А может, прибежит потом, уже после того, как мы все осмотрим. Нам приходится все время озиаться — вдруг убийца следит за нами из-за валуна или прячется в

овраге! Особенно жутко ночью. Кажется, что злодей совсем рядом, выслеживает маленького Джоша. А может, следит за нами, рассчитывает, что мы приведем его к парнишке. Всем нам не по себе. Мы идем вместе, стараемся не отставать друг от друга.

– Никто не отбился от отряда? – спрашивал Ратлидж. – Все ваши на месте?

И каждый раз слышал неизменный ответ:

– Нет, никто не отбился, все на месте... пока.

Другой добровольный помощник сообщил:

– Впервые за много лет наши люди запирают двери и даже баррикадируются. Все боятся. Входя во дворы, мы нарочно шумим, показываем, что свои. Хозяева следят за прохожими из окон. Никому не хочется открыть дверь и увидеть ружейный ствол!

Хэмиш сказал: «Они знают местность. И знают всех мужчин, живущих в округе. Если убийца местный и если никто не пропал, значит, он должен быть в одном из поисковых отрядов!»

Ратлидж отмечал на карте маршруты поисковых отрядов, подписывал фамилии владельцев отдаленных ферм, наносил на карту контуры пастбищ и развалин, которые были уже осмотрены. Хэмиш напомнил ему, что такая информация бесполезна для человека, который сидит на кухне и греется у очага. Хэмиш подначивал его, но Ратлидж старался не поддаваться.

Лучше всех общую мысль выразила Элизабет Фрейзер, когда мужчины ушли:

– Вы не в Лондоне. Здесь все по-другому, и ваши прежние знания вряд ли вам пригодятся.

– Знаю.

Но Хэмиш, все больше оживлявшийся от волнения Ратлиджа, продолжал будоражить его. «Там, на морозе, маленький мальчик...» – твердил он.

Неожиданно он споткнулся о невидимую в снегу преграду. Ощупывая ее руками, он пытался понять, что мешает ему идти дальше. Тяжелые, обледеневшие камни... А дальше как будто раскинулось снежное море, и белые волны ходят ходуном.

Но здесь нет моря – до моря очень далеко. Значит, он набрел на овчарню, сложенную для отары, которая зимует в горах. Овцы совсем близко – в ноздри ему ударил тяжелый запах мокрой шерсти. Когда погода портится, баран-вожак сам приводит отару в укрытие. Или фермер с собакой гонит овец туда, где они могут спастись от холода, сгрудившись вместе. Это куда лучше, чем гоняться за ними по горным склонам, где они почти невидимы под снегом.

Напрягая последние силы, он перевалил через грубую каменную стену и очутился среди них. Мокрый, замерзший, он свернулся в комок. Здесь можно немного переждать, пока не утихнет ветер и не кончится снегопад. А если за ним погоня, овцы заранее предупредят его об опасности.

Смутные белые тени, стоящие ближе всего к нему, почуяли незнакомый запах и тревожно зафыркали. Но он сидел неподвижно, а овцы привыкли к людям. Скоро они смирились с присутствием чужака. Он сидел у самой стены, где не было ветра, и овцы обступили его. Они поняли, что он им ничем не угрожает.

Они спасли ему жизнь.

В доме гуляли сквозняки. В нетопленных комнатах для постояльцев было сыро и промозгло. Ратлидж зашел в малую гостиную и увидел, что в камине лежат дрова. Не зажечь ли огонь?

Но на кухне было теплее, Элизабет Фрейзер как будто не тяготилась его обществом, а посланцы поисковых партий по привычке входили на кухню со двора. Их тяжелые сапоги и грубая одежда не подходили для гостиной.

Ратлидж вышел на улицу, оставив парадную дверь приоткрытой, и, ежась от холода, окинул взглядом озеро. От гостиницы до него примерно четверть мили. У берегов озеро сковало льдом, но посередине виднелась черная, холодная вода. Едва ли мальчик сумел бы добраться от фермы Элкоттов к озеру. Если только его туда не притащил убийца. Если он утопил труп, когда его вынесет на поверхность?

Где Джош Робинсон?!

Может, убийца применил отвлекающий маневр? Убил мальчика вместе со всеми и спрятал труп, а сам вернулся к обычной жизни. Или ушел в горы, перебрался на ту сторону и спрятался в таких местах, где никто и не подумает его искать?

Если мальчика найдут живым, что он может рассказать? Он свидетель, очевидец...

А может, он вернулся домой уже после того, как всех его родных убили, а потом побегал искать помощь, но заблудился в снегу?

Возможностей масса, но он ничего не узнает наверняка, пока не найдется Джош Робинсон.

Страшные вопросы не давали ему покоя. Элкотты – случайные жертвы? Последние ли? Если убийца – чужак, что толкнуло его на такое злодеяние? В самом ли деле он мстил за что-то, или его обиды вымышленные? Что повлекло за собой такую вспышку гнева? И не вломится ли он на другую отдаленную ферму, если ему снова помешается оскорбление, обида? А может, у убийцы есть тайна, которую ему необходимо сохранить любой ценой? Узнал ли Джералд Элкотт что-то настолько зловещее, что молчать оказалось невозможно? Убийца долго не решался отомстить, но тут началась метель, и у него появился отличный предлог выйти из дому. Отличный предлог для убийства.

«Пойду взгляну на овец, пока не стало еще хуже...»

Но в таком случае убийца должен жить совсем рядом с Элкоттами. Тогда ему даже не пришлось объяснять причину своей отлучки. А может, он живет один и не обязан ни перед кем отчитываться?

Ратлидж вспомнил, что говорила ему Элизабет Фрейзер о местных жителях несколько часов назад.

«Им почти нечего дарить друг другу, кроме, может быть, доверия, и, если их доверие предано, они умеют ненавидеть...»

Чье доверие предал Джералд Элкотт? Что он сделал? Почему убийца застрелил не только самого фермера, но и его жену и даже детей?

Пока он своими глазами не увидит кухню, на которой совершилось кровавое злодеяние, ему придется опираться лишь на показания других людей. А сведениям, полученным опосредованно, из вторых рук, нельзя доверять.

Почему Грили до сих пор нет? Неужели он избегает представителя Скотленд-Ярда, хотя раньше отчаянно молил о помощи?

Глава 9

Элизабет Фрейзер отправилась застилать кровати. Оставшись один, Ратлидж склонился над картой и разгладил ее обеими руками. Он осматривал свои подписи и вспоминал, о чем рассказывали представители поисковых партий.

Похоже, рядом с фермой Элкоттов другого жилья нет. Даже если Джошу Робинсону и удалось скрыться от убийцы, ему негде искать себе пристанища в метель и сильный снегопад. А ведь мальчик вырос в другом месте, он не так хорошо знаком с дорогами и вехами, которые его отчим должен был знать наизусть. Может быть, убийца тоже не местный, а Элкотты стали случайными жертвами...

Грили и его людям важнее всего добраться до соседних ферм и убедиться, что с их обитателями ничего не случилось.

Что ж, ладно. Куда все-таки мог податься Джош Робинсон, если, конечно, он еще жив?

Ратлидж провел пальцем по сгибу карты. До городка удобнее всего добираться по склону холма. Почему мальчик не побежал в сторону центра? В Эрскдейле живет его дядя, Пол Элкотт. Нет, не совсем так. Элкотт ему не кровный родственник.

Допустим, к Полу Элкотту он не стремился. Но наверное, мог бы обратиться за помощью к приходскому священнику или, скажем, к школьному учителю? На худой конец, к инспектору Грили или констеблю Уорду... Или к сержанту... как бишь его фамилия? Миллер. А может, мальчик бросился бежать куда глаза глядят и просто заблудился?

Есть еще одна вероятность. Ратлидж повернулся к окну. Возможно, Джош боится идти в Эрскдейл. Боится, что наткнется здесь на убийцу. Значит, убийца все же из местных...

Хэмиш возразил: «Ничего это не значит. У него времени бы не хватило!»

Да. Как ни хочется надеяться на лучшее, мальчик, скорее всего, погиб. Ратлидж снова склонился над картой. Пожалуй, пора прикинуть, где убийце удобнее было спрятать труп... Кстати, а зачем его прятать? Тот, кто так безжалостно расправился с Элкоттами, вполне мог бросить тело мальчика на всеобщее обозрение, показывая, что стер все следы...

Он не услышал, как открылась ведущая из коридора дверь, и вздрогнул, услышав женский голос:

– Доброе утро...

Вскинув голову, Ратлидж увидел женщину с растрепанными волосами. Одежда плохо сидела на ней, она как будто была с чужого плеча, а прежняя владелица была стройнее и моложе. Вошедшая оглядела кухню смущенно и как-то виновато, как будто не понимала, как она здесь оказалась.

Он выпрямился, глядя в пустые бледно-голубые глаза под бесцветными ресницами.

– Доброе утро... вы, наверное, миссис Камминс? Я инспектор Ратлидж. Спасибо, что приютили меня, пока я здесь, в Эрскдейле. Очень мило с вашей стороны.

– Так решил мой муж, – ответила миссис Камминс. – Но я рада, что вы приехали. Сейчас нам, женщинам, небезопасно находиться в доме одним. Так я и сказала мужу перед тем, как он ушел искать мальчика. Я сказала, если он не беспокоится за меня, то пусть побеспокоится за Элизабет. Бедняжка ведь совсем беспомощна... – Чуть помолчав, она добавила шепотом: – Он ведь и малышей тоже убил, знаете? Такой злодей...

– К сожалению, да, – ответил Ратлидж, но вскоре понял, что миссис Камминс его не слушает. Она как будто забыла о нем.

Не в силах унять тревогу, она подошла к буфету и начала сворачивать лежащие на нем глаженные салфетки. Закончив, удивленно уставилась на дело рук своих, как будто не знала, что делать дальше.

Хэмиш заметил: «Ничего удивительного, что ей нужна помощница. Мисс Фрейзер, наверное, нелегко с ней приходится!»

Ратлиджу уже доводилось встречать женщин вроде миссис Камминс. Доведенные до отчаяния страхом и долгими месяцами ожидания, они находили утешение в спиртном. Не один солдат обращался к нему с просьбой об отпуске, узнав, что его жена или невеста постепенно спивается.

Не догадываясь, что стала предметом его раздумий, миссис Камминс рассеянно улыбнулась ему:

– Вам что-нибудь нужно, инспектор? Хотите чаю? – Она снова переключилась на салфетки. Взяла их, положила в ящик, снова вынула. Провела рукой по верхней салфетке и как будто забыла, что собиралась сделать.

– Спасибо, миссис Камминс, обо мне уже позаботились.

– Принесите, пожалуйста, угля из сарая.

Пошатываясь, миссис Камминс подошла к окну.

– Элизабет это трудно.

– С радостью помогу ей, – живо откликнулся Ратлидж и обругал себя за то, что сам не додумался предложить помощь.

– В моей комнате никогда не бывает тепло. Должно быть, дымоход забит. Плохая тяга, – раздраженно заметила хозяйка, кутаясь в шаль. – Раньше, до войны, дела у нас шли неплохо. Не знаю, что будет сейчас с нашей гостиницей... И с нами.

– Летом наверняка приедут туристы, любители пеших прогулок, – мягко заметил Ратлидж.

– Сама я из Лондона. Но мой дедушка мог с закрытыми глазами бродить по Камберленду и половине Уэстморленда. Помню, он хвастал, что может по запаху земли определить, где находится. Как овцы. Он уверял: если он когда-нибудь ослепнет, то сумеет ориентироваться на местности без всякого труда. У нас была старая собака – она в самом деле ослепла в старости. И все равно находила дорогу домой.

– Дар, – согласился Ратлидж.

– Овец считают глупыми, но они совсем не глупые.

Молчание затянулось и стало неловким.

– Что-нибудь известно о... мальчике? – спросила наконец миссис Камминс. Последнее слово она произнесла дрожащим голосом. – Маленького Робинсона нашли?

– К сожалению, нет. Правда, еще не все партии закончили поиски.

Хозяйка гостиницы по-прежнему стояла у окна, словно завороченная зимним пейзажем.

– Я каждый вечер молюсь за него...

– Вы очень добры... – сказал Ратлидж.

Миссис Камминс неожиданно развернулась к нему и спросила:

– Как вы думаете, кто-нибудь слышит наши молитвы? То есть... слышит на самом деле?

– Уверен, кто-то обязательно их слышит, – ответил он.

– Ах... Вон и перевал виден! – вдруг воскликнула миссис Камминс. – Тучи рассеялись! – Она вглядывалась куда-то вдаль и волновалась: – Смотрите... туда! Как по-вашему, вон то темное пятно... там, слева, у Нароста... Вам не кажется, что это он?

Ратлидж подошел к ней, и его ноздри уловили слабый запах виски, замаскированный розовой водой.

Там, куда показывала миссис Камминс, не было ничего, кроме неглубокой впадины, до которой еще не добралось солнце.

– Тени иногда бывают обманчивы, – сказал Ратлидж, наливая себе стакан воды. – Мальчик не мог забраться так высоко.

– Да... наверное.

Она отвернулась от окна. Оживление оставило ее. Она направилась к двери, ведущей в коридор.

– Вы ведь не забудете принести угля?

– Нет...

Но она уже ушла – призрак в собственном доме, который попеременно то приходил в сознание, то впадал в ступор.

«Жаль», – произнес Хэмиш.

И вдруг он услышал из коридора тихий голос:

– А если... *он* тоже охотится за мальчиком? А если он найдет мальчика первым? Я не могу спать – все время думаю об этом!

Дверь тихо закрылась.

Не прошло и десяти минут, как в кухню со стороны парадного входа широким шагом вошел инспектор Грили. Ратлидж еще издали услышал его голос – он отвечал на какой-то вопрос Элизабет Фрейзер, впустившей его в дом.

Под глазами у инспектора Грили залегли темные тени, подбородок его был не слишком чисто выбрит. Похоже, он брился второпях и без зеркала. В углах рта проступили глубокие складки, делая его старше своих лет.

– Извините, что не пришел раньше. – Грили протянул Ратлиджу руку. – Перед рассветом прилег ненадолго...

– Судя по вашему виду, вам не мешало бы поспать еще, – сочувственно ответил Ратлидж. – Здесь уже побывали представители разных поисковых отрядов. Я записал их фамилии и отметил на карте участки, которые они осмотрели. К сожалению, никто ничего не нашел.

Кивнув, Грили подошел к карте.

– Да, более-менее этого я и ожидал. Но, понимаете, мы должны были хотя бы попытаться. Заблудиться в горах легче легкого, а искать иголку в стоге сена трудно. Не знаю, что еще можно сделать. Мне никогда не приходилось сталкиваться ни с чем подобным. – Он придвинул себе стул и тяжело опустился на него. – Вижу, вы здесь более-менее освоились. Вот и хорошо. В участке дымоходы совсем плохие. На прошлой неделе я чуть не отравился угарным газом! Только, по-моему, в гостиной будет удобнее.

– Зато здесь мы не потревожим покой миссис Камминс, – возразил Ратлидж. – И потом, откровенно говоря, кухня – единственное теплое место в доме. – Он сел наискосок от Грили. – Вы сделали то, что сделал бы и я на вашем месте. Самое важное сейчас – найти мальчика. И убедиться, что других жертв нет. Только после этого искать убийцу.

– Десятилетний мальчик так долго точно не протянет! – Грили потер лицо руками. – Безнадежное дело!

– Все зависит от его находчивости и от того, насколько хорошо он знает местность. А может, он где-нибудь спрятался...

– Мы даже не знаем, во что он был одет, – сказал Грили. – И в какую сторону побежал. Когда мы добрались до фермы Элкоттов, все следы уже занесло снегом. И следы мальчика, и следы убийцы... – Он отвел глаза в сторону. – Вы, наверное, хотите осмотреть ферму Элкоттов, – добавил он, едва скрывая нежелание везти на место преступления гостя из Лондона.

– Да, мне придется все осмотреть.

– Моя воля, я бы туда ни ногой. Стоит мне закрыть глаза, и тут же возникает кровавая картина. Ужас – другого слова не подберешь. – Грили встал на ноги. – Что ж, ладно. Чем

скорее начнем, тем скорее управимся. Там, во дворе, ваш автомобиль? Поедем на нем. Так будет быстрее. Дороги, правда, никудышные, но уж как-нибудь доберемся.

– Я только предупрежу мисс Фрейзер, что мы уезжаем.

Ратлидж вышел в коридор и тихо позвал Элизабет Фрейзер. Она так же отозвалась. Она сидела с книгой на коленях в малой гостиной.

– Инспектор Грили приехал, – сказала она, захлопывая книгу. – Я решила, что вам с ним, наверное, нужно поговорить наедине.

– Он... м-м-м... нас некоторое время не будет. – Ратлидж старался не слишком волновать ее. – Не знаю, успею ли вернуться к ужину. Вы за меня не волнуйтесь. Со мной все будет в порядке.

– Спасибо, инспектор, что предупредили. – Элизабет улыбнулась, и он снова заметил, как ее лицо словно озаряется внутренним светом.

Невольно подумалось: «Так же могла бы выглядеть и Оливия Марлоу».

– Если вас будут искать, что мне говорить?

– Что я вернусь, как только смогу. Если сумеете, отмечайте на карте все, о чем вам скажут. Инспектора Грили можно будет найти на ферме Элкоттов.

Она словно застыла.

– Хорошо, инспектор, я все передам.

Ехали молча. Косясь на своего спутника, Ратлидж видел, что он клюет носом. Голова у него упала на грудь, шляпа была нахлобучена по самые глаза. Но возможно, инспектор просто глубоко задумался. Или готовился к тому, что их ждет...

Вспоминая карту, Ратлидж без труда отыскал ведущую к ферме Элкоттов грунтовую дорогу, но потом все же вынужден был спросить у Грили, куда поворачивать.

Поднявшись по склону холма, они очутились во дворе высокого оштукатуренного каменного дома, ничем не отличавшегося от соседних домов, если не считать того, что последние несколько дней здесь побывало множество народу. Истоптанный снег во дворе был перемешан с грязью.

Хэмиш проворчал: «Даже наши горцы не отыскиали бы следов парнишки в таком месиве...» – он имел в виду своих земляков, которые, по их собственным словам, могли бы найти следы оленя даже на голых камнях. Во всяком случае, вражеских снайперов во Франции они выслеживали чрезвычайно ловко и искусно.

Грили с трудом вылез из машины и потянулся. Подумалось, что инспектор нарочно тянет время. Не так уж он и устал в дороге. Ратлидж огляделся по сторонам, инстинктивно ища вдали признаки людского присутствия. Но не заметил в горах ни света фонаря, ни какого-либо движения.

– Сюда, – позвал его инспектор Грили.

Ратлидж первым зашел в крошечную прихожую, откуда можно было попасть на кухню. Он подумал: кухня не слишком отличается от той, в которой он провел почти все утро. Большая, квадратная; окна выходят на две стороны. В углу большая закопченная плита – когда-то она была красивой. На окнах занавески в розочках, на стульях лежат вощеных ситцевых чехлах. Чехлы покрыты вышивкой в тон с занавесками. На скатерти, лежащей на столе, посередине тоже вышиты розы – большие, махровые, с кремовыми и розовыми лепестками.

Но прежде всего в глаза бросалась кровь. Кровь была в этой кухне повсюду – на полу, на стенах, на мебели. Как будто здесь орудовал какой-то безумный маляр. Кровь уже утратила свой алый цвет, почернела. Трупы увезли, и пол был истоптан людьми, которые выносили их и то и дело наступали в кровавые лужи.

Хэмиш с чувством произнес: «Прямо как на войне...»

Ратлидж вспомнил об убитых беженцах, которых они обнаружили в заброшенном погребе. На столе стояли тарелки с остатками еды, на плите – кастрюли, накрытые крышками. Разбитый стакан. На полу валяется грязная вилка. Стул упал на бок. О неожиданности нападения свидетельствовали и другие мелочи...

Грили ровным голосом, без выражения, пояснял:

– Джералд Элкотт стоял вон там, у плиты. Если верить Джарвису, он умер примерно через минуту после выстрела. Малышка – Хейзел – лежала у двери... она, слава богу, умерла быстро. Близнецов мы нашли у стола, рядом с матерью. Она прикрыла их своим телом, хотела спасти. Джарвис считает, что убийца сначала выстрелил в детей и только потом в нее. Она видела, как погибли ее дети. Жестоко... безжалостно...

Ратлидж попытался представить себе состояние людей, которые поняли, что сейчас произойдет. Отец слишком далеко от входной двери и не может предотвратить убийство... девочка побежала, надеясь укрыться в соседней комнате. Мать заслоняет малышкой своим телом. Крики, стоны... оглушительные револьверные выстрелы... и тишина. А Джош? Где был Джош?

– Сколько всего насчитали выстрелов?

– Пока мы думаем, что убийца выстрелил шесть раз. Пять пуль попали в Элкоттов и еще одна застряла в стене. Должно быть, он стрелял в мальчика, но промахнулся, и тот успел выбежать во двор. Револьвера мы не нашли. Обыскали дом сверху донизу, и хозяйственные постройки тоже. Значит, убийца, где бы он ни прятался, по-прежнему вооружен.

– А где стоял убийца?

– Здесь, где сейчас мы с вами. С его места отлично видно всю кухню; превосходный обзор. Никто ему не помешал. А потом... он даже не попытался проверить, мертвы ли его жертвы. Ему было все равно. И Пол Элкотт тоже не подходил близко к трупам. Не представляю, как он вынес... – Грили помолчал и вдруг выпалил: – А знаете, что хуже всего? Я ведь помогал сержанту Миллеру выносить трупы. И мне казалось: если бы убийца оказался поблизости, я бы убил его собственными руками! – Он смущенно откашлялся и продолжил увереннее: – Мне кажется, что он вошел неожиданно и застал всех врасплох. Сейчас уже не узнать, говорили ли они о чем-нибудь, или он сразу, с порога открыл огонь. Должно быть, все случилось очень быстро. Джералда Элкотта – отца семейства – убийца прикончил первым. Наверное, боялся, что тот вступится за своих близких... Значит, он не сумасшедший, что-то соображает. А за мальчиком он погнался минуты через две, не позже. У мальчика было совсем мало времени. – Глубоко вздохнув, Грили добавил: – Все время мучаю себя вопросом, знали ли взрослые, за что они погибают. А может, все казалось им бессмысленным...

– Кем бы ни был убийца, если он вошел на кухню тем же путем, что и мы, он, должно быть, хорошо знал Элкоттов.

– Может быть, и так. Но у нас, на севере, кухня всегда самое теплое место зимой, и мы обычно обходим дом сзади, а не входим через парадную дверь. Так что убийца не обязательно лично знал Элкоттов. Любого чужак наверняка вошел бы с той стороны, где горел свет.

– И все же Джералд Элкотт стоял у плиты. Значит, дверь открыл не он, а старший мальчик. Раз он впустил убийцу в дом, значит, хорошо знал его. Если бы в дом постучался кто-то незнакомый, открывать бы пошел сам Элкотт и стоял бы в том месте, где сейчас стоим мы.

Грили вздохнул:

– Да, согласен. Значит, убийца не был чужаком...

– Он не был чужаком для Элкоттов, но, возможно, вы с ним незнакомы, – заметил Ратлидж. Он понимал, что Грили морально легче подозревать в страшном злодеянии человека постороннего.

Грили сразу просветлел:

– Да, возможно!

– У Элкоттов много родни? Кто мог явиться к ним без приглашения?

– Здесь, в Эрскдейле, живет только младший брат Джералда, Пол. У Грейс есть сестра, несколько раз она гостила на ферме, но всегда летом. Зимой не приезжала ни разу. С ней связаться пока не удалось, но телеграммы сейчас доставляют только через полтора дня. Есть еще отец двоих старших детей, Робинсон. Он живет в Лондоне.

– А друзей у них было много?

Грили пожал плечами:

– Заглянуть на огонек мог кто угодно из жителей Эрскдейла. И его непременно приняли бы. – Он отвернулся и, спотыкаясь, вышел на свежий воздух. – Не выношу этого запаха...

Хэмиш сказал: «Дело не в запахе».

Ратлидж притворился, будто не слышит Хэмиша. Выйдя следом за Грили, он немного постоял на пороге. Хотя трупы давно унесли, в доме сохранялась атмосфера беспомощности и ужаса. Миазмы страха пропитали все вокруг. Ратлидж угадывал страх – и что-то еще.

Убийца наверняка придумал себе какое-то оправдание. Хотя... чем можно оправдать такую жестокость? Какое удовлетворение можно испытать от такой бойни?

Еще раз окинув кухню внимательным взглядом, он следом за Грили вышел на улицу.

Они повернули за угол и подошли к парадному крыльцу. Снег в палисаднике тоже был истоптан ногами многочисленных посетителей.

– Когда мы приехали, снег был гладким, как стекло, – заметил Грили. – А парадная дверь наглухо закрыта. – Он распахнул дверь и вошел в небольшую прихожую. Навощенный пол покрывали грязные, мокрые следы.

Ратлидж подумал: «Грейс Элкотт наверняка не понравилось бы, что чужие люди входят к ней в дом, не вытерев ноги».

В гостиной стояла мебель Викторианской эпохи, но в хорошем состоянии. Видно было, что хозяева гордятся своей обстановкой. Цветок на подставке у окна, ведро с углем у камина, рядом, в синей вазочке, спички. Пожелтевшие фотографии в рамках, запечатлевшие несколько поколений одной семьи, и безукоризненные, без единого пятнышка, абажуры ламп тоже свидетельствовали о том, что Грейс Элкотт была хорошей хозяйкой. Но кем еще была она?

Они поднялись на второй этаж. Ратлидж увидел, что близнецам отвели общую спальню, а у старших мальчика и девочки были свои, отдельные комнаты. Повсюду царил безупречный порядок. В комнате мальчика стоял деревянный комод с игрушками и играми, а в комнате девочки на полке сидели куклы. Аккуратно сложенная одежда лежала в ящиках комодов или висела на плечиках в шкафах.

Над кроватью Хейзел висела фотография девочки; судя по викторианскому покрою платья, ее сделали около 1900 года. Девочка в простом белом платье, с волосами стянутыми сзади лентой, смотрела прямо в камеру – угрюмо и враждебно. Ей как будто неприятно было, что фотограф отвлек ее от других занятий и заставил стоять неподвижно. У ног девочки валялась теннисная ракетка, как будто брошенная в досаде. Маленькая собачка, наполовину скрытая юбкой, задрала мордочку, с обожанием глядя на свою хозяйку и не понимая, почему она злится. Ратлидж перевернул снимок, поднес его ближе к глазам. Кто это – Грейс Элкотт в детстве?

В хозяйской спальне стояла большая кровать ранневикторианской эпохи с резным изголовьем. В углу Ратлидж увидел старинный умывальник и комод. На комод лежали гребни с серебряными рукоятками. На них были выгравированы буквы Г. Л. Р. Наверняка собственность миссис Элкотт. Остались от предыдущего брака?

Похоже, ее второй муж оказался человеком терпимым и не велел жене выкинуть подарок первого мужа. А может, гребни дорого стоили. К чему выбрасывать хорошие вещи?

Хэмиш заметил: «Он ведь взял ее с детьми...»

Возможно, инициалы не имели никакого значения или гребни хранились для дочери.

На туалетном столике Ратлидж увидел еще одну фотографию. Странно было смотреть в веселые лица мертвецов! Вот глава семьи – светловолосый, необычайно привлекательный мужчина среднего роста. Рядом с ним жена, она склонила голову на плечо мужу и чему-то затаенно улыбается. Стройная, грациозная, она прижимается к мужу всем телом. Похоже, она на самом деле влюблена в него. На ее руках двое младенцев с крошечными личиками, завернутые в одеяла; они жмурятся от солнца. Судя по виду, близнецам примерно месяц от роду. Если на той фотографии тоже Грейс Элкотт, значит, из угрюмой, всем недовольной девочки-подростка она превратилась в спокойную, уверенную в себе жену и мать.

Между Джералдом и Грейс стояла застенчивая девочка – Хейзел; Джералд положил руку ей на плечо, словно успокаивая. Она, вскинув голову, смотрит на отца. Рядом с матерью старший мальчик – худенький, с длинными руками и ногами. Он смотрит в камеру исподлобья, словно ему не нравится фотографироваться. Так вот он какой, Джош Робинсон. На заднем плане дверь церкви.

Грили сказал Ратлиджу:

– Их снимал священник после крещения. Миссис Элкотт в тот день была такая счастливая! Даже моя жена заметила, как она радовалась. – Его передернуло, как будто он замерз в теплом пальто.

Подумать только, прошло совсем немного времени, и счастливая жизнь Грейс Элкотт резко оборвалась. В памяти Ратлиджа еще свежи были воспоминания о жуткой окровавленной кухне. Здесь, в спальне, где обитали Грейс и Джералд, в доме, который больше не согревал огонь очага, где не звучал больше смех и другие обычные звуки, особенно чувствовались пустота и странная мертвая тишина. Он смотрел на лица еще живых Элкоттов, и его пробирала дрожь. Догадывались ли они, почему преступник избрал их своими жертвами? Ратлидж заставил себя встряхнуться. Воображение снова играет с ним дурную шутку.

Хэмиш сказал: «За таким убийством должна крыться лютая ненависть...»

Ратлидж поставил фотографию на место и, ничего не сказав, продолжил обыск.

Содержимое платяного шкафа оказалось таким, как он и ожидал, – в основном повседневная одежда, а также пальто и накидки получше – для походов на базар или в церковь. Он узнал шляпку, лежащую на верхней полке. Эта шляпка была на голове миссис Элкотт в день крещения; к тулье были прикреплены легкомысленные шелковые розы. Сестра Ратлиджа, Франс, однажды объясняла ему, что женщина выбирает шляпку себе под настроение.

Хэмиш напомнил ему слова Элизабет Фрейзер: «Мы встречаемся на рынке, на крестинах, на свадьбах... и довольно часто на похоронах». Одну и ту же «выходную» одежду надевали на все торжественные случаи. И только шляпки более-менее отражали настроение хозяйки.

Словно прочитав его мысли, Грили заметил:

– Элкотты были не богаче, чем все остальные. У нас, на севере, ни у кого нет денег на излишества. Мы довольствуемся тем, что имеем. Мы и в войну продержались. Мы привыкли на всем экономить. Никто не голодал.

Такие слова Ратлидж слышал достаточно часто. «Мы продержались...» Тяготы войны и последовавшего за ней мира заставили многие семьи бороться за существование. Почти никто не жаловался, все старались справиться и воссоздать разбитые надежды. Впрочем, находились и такие, кто был обязан своим процветанием войне. Правда, эти предпочитали не оглядываться назад.

Хэмиш рассудительно заметил: «Значит, их убили не из-за денег».

Задумавшись, Ратлидж неосторожно ответил вслух:

– У них была земля...

Грили кивнул, видимо решив, что слова Ратлиджа предназначались ему.

– Мы нашли завешание Джералда Элкотта. Вот что в нем написано. Ферма в их семье передавалась из поколения в поколение. Сейчас единственный наследник – его брат. Джералд всегда помогал отцу, поэтому Генри завещал ферму ему. Пол поселился в Эрскдейле и стал совладельцем питейного заведения. Конечно, когда Джералд уехал воевать во Францию, Полу пришлось заменить брата. Всю войну он ухаживал за овцами. А его трактир, «Баранья голова», можно сказать, разорился, ведь в войну не осталось туристов.

– Чем Пол Элкотт занимается сейчас?

Грили, который уже вышел на лестницу, обернулся и сказал:

– Пытается наладить дело в «Бараньей голове». В одиночку. Откровенно говоря, я не верю, что у него что-нибудь получится.

Инспектор Грили не скрывал, что ему не терпится поскорее покинуть ферму Элкоттов.

Ратлидж следом за ним направился к машине. Водянистое солнце набирало силу, и снег уже немного подтаял. Под ногами была каша – первый признак оттепели.

Когда они повернули за угол дома, Хэмиш спросил: «Зачем этот братец явился на ферму во вторник?» Заводя автомобиль, Ратлидж обратился с тем же вопросом к Грили.

– Наверное, проверить, не нужно ли им чего-нибудь, – ответил инспектор. – Я и сам заехал на пару отдаленных ферм. Хозяева одной – люди пожилые, а на другой есть маленькие дети. Метель разыгралась очень быстро, ее почти никто не ожидал. Ни у кого не хватило времени сходить в городок за керосином или съестными припасами. Хорошо, если удалось вовремя загнать скотину в хлев... – Грили сел на пассажирское сиденье.

– Вам не приходило в голову, что Пол Элкотт мог убить брата и его семью?

Потрясенный Грили молча смотрел на Ратлиджа, пока они выезжали со двора.

– После смерти брата ферма достается ему, – продолжал Ратлидж. – Вот вам и мотив. Кроме того, он, наверное, часто навещал Джералда, и, значит, ему легко объяснить, что он делал на ферме.

– Глупости! Видели бы вы его после того, как он их нашел! Его прямо наизнанку выворачивало... – Грили резко осекся и стал смотреть на дорогу.

Навстречу им двигалась коляска, запряженная лошастью. Она ехала гораздо быстрее, чем допустимо в такую плохую погоду. Звонким от волнения голосом Грили воскликнул:

– Должно быть, у них новости! Богом клянусь, они, наверное, нашли мальчика!

Глава 10

Ратлидж притормозил у обочины, уступая дорогу мчащейся на них лошади.

– Нет, это коляска доктора, – объявил Грили, щурясь и вглядываясь вперед. – Боже правый, неужели еще одно убийство? – Он высунулся из окошка и крикнул: – Что случилось?

Коляска приблизилась настолько, что стало видно человека, который держал поводья. На нем было толстое серое пальто, лицо наполовину закрывала шляпа, низко надвинутая на лоб из-за ветра. Грили выругался.

– Там не доктор Джарвис и не сержант Миллер... Это Хью Робинсон! Первый муж Грейс Элкотт...

Лошадь резко остановилась в десяти футах от автомобиля и выкатила глаза. Тощий человек с напряженным, встревоженным лицом натянул поводья.

– Боже мой... – Голос его оборвался. Он молча покачал головой и продолжал: – Значит, это правда!

Видя, что взмыленная лошадь стоит почти вплотную к машине, Ратлидж заглушил мотор. Они с Грили спрыгнули на землю.

– Мистер Робинсон... – начал Грили.

– Я приехал, как только услышал... – сказал Робинсон, успокаивая лошадь. – Но почему, хотелось бы знать, меня никто не известил?!

– Во всем виноват я, – устало ответил Грили. – Все это время мы искали вашего сына. Все силы уходят на поиски. Я надеялся, что...

– Я тоже должен был быть здесь и искать Джоша вместе с остальными! – Худое лицо Робинсона перекосилось от горя.

Ратлидж попросил:

– Пожалуйста, возвращайтесь вместе с нами в гостиницу.

– Нет! Я хочу в дом. Я должен увидеть своими глазами...

– Не думаю, что это хорошая мысль, – начал было Ратлидж, но Робинсон метнул на него злобный взгляд:

– Там мои родные, а не ваши! – Он занес хлыст и со всей силы ударил лошадь, отчего она понеслась по дороге.

Грили поморщился, как будто ударили его самого, и побежал следом за Робинсоном. Ратлидж завел машину и пустился вдогонку.

Они опоздали. Робинсон успел войти в кухню. Он стоял, прислонившись к дверному косяку, с совершенно ошеломленным видом и повторял одно и то же:

– Боже мой... Боже мой... Боже мой...

Потом он вышел и склонился над ступеньками погреба. Его вырвало.

Ратлидж властно сказал:

– Мистер Робинсон, я из Скотленд-Ярда.

Робинсон вытер губы платком и скомкал его в кулаке.

Он круто развернулся к Ратлиджу и воскликнул:

– Вас-то небось успели вызвать!

– Я находился неподалеку, – ответил Ратлидж. – Жаль, что инспектору Грили не удалось сразу же связаться с вами. Мы и с поисками Джоша опоздали на два дня. Время работало против нас.

– А я вез им подарки к праздникам... сам хотел вручить... подарки! – сказал Робинсон.

– В прошлом году он тоже приезжал примерно в это же время. Я забыл... – шепнул Грили Ратлиджу.

– Как вы сюда приехали? – спросил Ратлидж.

– На поезде, как всегда. Нанял кобылу у здешнего кузнеца, чтобы проехать остаток пути. На выезде из Эрскейла меня нагнал доктор Джарвис. Попросил зайти к нему домой... но я не мог ждать... и он дал мне в займы свою коляску. Моя лошадь уже порядком вымоталась. Где Джош? Почему вы до сих пор не нашли моего сына?

– Мы сделали все, что смогли, все, что в человеческих силах. К сожалению, прогноз... не самый благоприятный. – Грили поддал носком сапога рыхлый снег у задней двери. – Но наши люди не сдаются.

Робинсон начал взволнованно расхаживать туда-сюда.

– Я хочу знать, кто это сделал. Хочу знать сейчас же, немедленно! Вы меня понимаете?

– Нам не меньше вашего хочется арестовать это чудовище, – резко ответил Грили.

– Инспектор, – вмешался Ратлидж, – если вы вернете коляску доктору, я сам отвезу мистера Робинсона в гостиницу...

– Я хочу на них посмотреть, – упрямо сказал Робинсон. – Хочу видеть Грейс и дочку. В конце концов им пришлось ему уступить.

Инспектор Грили повез Робинсона в импровизированную покойницкую, чтобы тот осмотрел трупы близких. Ратлиджу пришлось возвращаться в Эрскейл в обществе одного Хэмиша. Хэмиш всю дорогу бормотал: «Не очень-то было разумно позволить ему смотреть на трупы».

– Может быть, но я недостаточно хорошо его знаю и не могу судить, что для него хорошо, а что не очень. Некоторых...

Некоторых такое зрелище лишь укрепит во мнении самим вершить правосудие.

Добравшись до гостиницы, Ратлидж сообщил мисс Фрейзер, что у них будет еще один постоялец.

– Не знаю, как он вынесет такую потерю, – сочувственно заметила Элизабет Фрейзер. – Жаль, что нам нечем его порадовать. Пока все поисковые партии возвращаются ни с чем. Завтра с рассветом они снова выйдут, а сейчас им нужно отдохнуть. Мистер Камминс передал: он так вымотался, что переночует вместе с остальными на ферме Эдерби.

Ферма Эдерби находилась довольно далеко от гостиницы, у противоположной оконечности озера.

«А ты, – напомнил Хэмиш Ратлиджу, когда мисс Фрейзер отправилась на кухню, – еще и сапог не замочил в поле».

Ратлидж подошел к окну. На горный хребет, словно занавес, спускались сумерки. Будет настоящим чудом, если ребенка найдут на таком огромном пространстве. Долину придется прочесывать частым гребнем. А время определенно работает против Джоша Робинсона. Даже если каждый фермер внимательно осмотрит все свои владения, на тщательные поиски уйдет не один день. Не было даже уверенности в том, что тело мальчика найдется весной. Его косточки могут растащить вороны и лисы, не оставив никаких указаний на то, как и где он умер. Грили придется самому отдавать приказ об окончании поисков, и Ратлидж ему не завидовал.

Хэмиш сказал: «Нехорошо».

Случалось, на фронте пропадали без вести солдаты после бомбежки или особенно яростной атаки; убитые или раненые, они лежали на ничейной земле. Иногда их брали в плен. Ратлидж всегда делал что мог, чтобы спасти раненых. Среди них попадались совсем молодые шотландцы, на несколько лет старше пропавшего Джоша Робинсона. И все же они уже были мужчинами. Бросить их казалось ему предательством. Как будто он мог сделать для них больше... как будто был должен...

Усилием воли Ратлидж отогнал от себя мрачные видения прошлого, мешающие разобратся в настоящем. Сейчас тяжелее всего не ему, а Хью Робинсону.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.